

Глава V. Церковныя реформы Петра I.

Оцѣнка Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія церковнаго строя. — Уничтоженіе церковныхъ обычаевъ Петромъ и государственнаго положенія іерархіи черезъ удаленіе ея изъ высшихъ государственныхъ учреждений. — Прекращеніе права печалованія Патріарха. — Вмѣшательство Петра въ церковныя дѣла при Патріархѣ Адріанѣ. — Дискредитированіе Петромъ сана Патріарха въ бытовомъ отношеніи. — Измѣненіе идеологіи царской власти при Петрѣ. — Дискредитированіе патріаршества въ теоретическомъ отношеніи. Теофанъ Прокоповичъ возрождаетъ въ „Розыскѣ" идею Царя-понтифекса максимуса. — Теофанъ стремится дискредитировать патріаршество и въ политическомъ отношеніи, намѣренно смѣшивая его съ папствомъ. — Переводы сочиненій Пуффендорфа. — Основная идея Теофана — дать основу теоретическую для уничтоженія патріаршества. — Теофанъ о прекращеніи возношенія имени Восточныхъ патріарховъ. — Лютеранское направленіе реформы (въ общественномъ смыслѣ). — Отзывы современныхъ Петру нѣмцевъ о церковной реформѣ Петра. — Въ чемъ проявился лютеранскій характеръ церковной реформы Петра? — Сочиненія Теофана для образованія народа, по порученію Царя написанныя. — Книга Теофана, написанная противъ аскетическаго идеала. — Отношеніе Теофана Прокоповича къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. — Мѣры Петра противъ Церкви, предшествующія формальной замѣнѣ Патріарха коллегией. — Отношеніе Петра къ Церкви. — Теофанъ Яворскій о направленіи Петровской церковной реформы. — Отмѣна патріаршества. — Вліяніе философіи естественнаго права. — Принципіальное покушеніе на церковную собственность со стороны государства. — Значеніе отстаиванія Никономъ управленія Церковью своей собственностью и вообще ея неприкосновенности. — Отсутствие юридическихъ основаній для отнятія у Церкви собственности. — Монастырскій Приказъ при Петрѣ 1701-1720 — орудіе государства для подчиненія всѣхъ чисто церковныхъ дѣлъ государству. — Монастырскій Приказъ вмѣшивается въ регулированіе внутренней жизни монастырей. — Строй церковный у Петра I входитъ въ компетенцію государственной власти. — Петрѣ не только восхищается на себя церковную власть, но и осуществляетъ ее не въ церковномъ направленіи. — Проведеніе государственнаго утилитарнаго принципа въ церковную сферу. — Борьба съ древнерусскимъ аскетическимъ идеаломъ. — Вліяніе протестантизма на взглядъ Петра на монашество. — Государство навязываетъ Церкви свое воззрѣніе на монашескій чинъ. — Проникновеніе утилитарныхъ стремленій Петра въ регламентацію имъ монастырской жизни. — Церковь перестаетъ при Петрѣ быть опредѣляющей стихіей для государственнаго строительства. — Сочиненіе раскольника о Петрѣ съ протестомъ противъ превращенія православнаго Царя въ главу Церкви. — Протестъ народнаго чувства противъ попранія аскетическаго идеала. — Значеніе уничтоженія патріаршества съ канонической точки зрѣнія. — Значеніе уничтоженія патріаршества съ культурной точки зрѣнія. — Отличіе положенія Церкви въ послѣ Петровскій періодъ отъ періода до-Петровскаго. — Мысли о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра и преслѣдованіе за нихъ. — Литературная борьба за возстановленіе патріаршества и аскетическаго уклада жизни. Маркелль Родышевскій. — Сочиненіе Маркелла напоминаетъ намъ образъ Никона. — Цѣлесообразность Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія Церкви. — Взгляды на реформу Петра съ точки зрѣнія Никоновскихъ идей. — Пальмеръ о Петрѣ, какъ исполненіи Никоновскихъ проклятій. — Пальмеръ объ основномъ пороцкѣ русскаго государственнаго строя. Проникновеніе государственной идеи нѣмецкимъ духомъ и оторванность ея отъ идеи народной. Предсказаніе о гибели русской государственности. — Пальмеръ о значеніи паденія Никона для русской исторіи. — Обязанность Россіи въ отношеніи къ Никону. — Необходимость уничтоженія грѣха, совершеннаго по отношенію къ Никону. — О возстановленіи православнаго царства. Отправной пунктъ для построенія церковно-государственнаго отношенія. Постановленіе Собора 1667 г. о власти Царя и Патріарха. — Сопоставленіе 2-ой главы патріаршихъ свитковъ съ объяснительной запиской Патріарховъ объ этой главѣ. — Постановленіе Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей есть официальное ученіе Русской Церкви и выраженіе народной мысли о православномъ Царѣ. — Въ дѣйствительности Петрѣ I боролся въ Россіи не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей. Петровская система территориализма. — Петровская система территориализма или Іозефинизма. Мартенсъ фонъ-Тиллингъ. — Государственное еретичество Петра I. О церковной власти Императора по основнымъ законамъ. — Объ идеалѣ утилитаризма. — Соотношеніе между ученіемъ Никона о православномъ Царѣ и понятіемъ русскаго самодержавія въ русскомъ сознаніи XX вѣка; протестъ его противъ абсолютизаціи власти Царя.

Оцѣнка Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія церковнаго строя жизни.

Чтобы оцѣнить значеніе Никоновскихъ идей о власти царской, патріаршей, о церковной собственности и судѣ надо сопоставить съ никоновскими desiderata то, что сдѣлалось съ этими учреждениями послѣ, при Петрѣ; одновременно съ этимъ надо рассмотреть и судьбу

тѣхъ обычаевъ, которые выявляли собой наглядно идею воцерковленія жизни государственной и общественной: отмѣна ихъ послѣдовала едва ли не ранѣе общихъ церковныхъ реформъ Петра, и мы ихъ рассмотримъ прежде, ибо это была первая угроза старому строю жизни, выдвигавшему на первое мѣсто значеніе Церкви. Пока жива была царица Наталія до 1694 г. Петръ еще не касался обычаевъ старины, хотя самъ ихъ не соблюдалъ, однако его общее направленіе проскальзывалось въ отдѣльныхъ случаяхъ. Такъ въ присутствіи Царицы Наталіи въ отвѣтъ на упрекъ Патріарха, что „Петръ русскій Царь, а у себя дома въ иноземной одеждѣ“, сказалъ Патріарху: „Вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пешись о дѣлахъ Церкви“.

Уничтоженіе церковныхъ обычаевъ Петромъ и государственнаго положенія іерархіи черезъ удаленіе ея изъ высшихъ государственныхъ учреждений.

Когда умерла царица Наталія, поддерживавшая Патріарха Адріана, сторонника древнихъ устоевъ жизни, началась реформа обычаевъ, уже по наружному облику Царя показывавшая ея направленіе. Царь не вель образа жизни въ соотвѣтствіи съ священнымъ достоинствомъ Царя и съ этой высоты спустился до попойки въ нѣмецкой слободѣ и жизни простого мастерового. Церковь съ ея стремленіями спасенія и съ ея неизбѣжнымъ при ея почитаніи вліяніемъ на гражданскую жизнь, отходитъ на второй планъ, и, какъ слѣдствіе этого, является цѣлый рядъ измѣненій въ обычаяхъ. Раньше Первосвятители и другіе іерархи привлекались въ совѣтъ Царя и по гражданскимъ дѣламъ; они привлекались къ участию въ земскихъ соборахъ и Боярской Думѣ; теперь Петръ удаляетъ Церковныхъ представителей отъ участія въ дѣлахъ государственныхъ; онъ еще при матери сказалъ объ этомъ Патріарху и не призываетъ его къ совѣту. Уничтожается церемонія въ Недѣлю Ваій, въ которой Царь раньше участвовалъ лишь какъ первый сынъ Церкви, а не какъ главный ея распорядитель. Церемонія эта съ одной стороны возвышала передъ народомъ санъ Патріарха, а съ другой стороны имѣла въ виду упрочить и авторитетъ государственной власти Государя черезъ участіе его передъ лицомъ всего народа въ религиозной церемоніи въ качествѣ перваго сына Церкви. До смерти матери и Петръ участвовалъ въ этой церемоніи, держа за поводъ осла, на которомъ сидѣлъ Патріархъ Адріанъ, но между 1694 и 1696 г. этотъ обрядъ былъ отмѣненъ, какъ якобы унижительный для царской власти. Народъ не оказался безучастнымъ къ этому и въ лицѣ стрѣльцовъ, взбунтовав-

шихся въ 1698 г., высказаль свой протестъ. Вѣдь, мотивомъ бунта выставлялась отмѣна шествія въ Недѣлю Ваій, а также и то, что прекратились крестные ходы на Богоявленіе и Цвѣтную Недѣлю, и бунтовщики хотѣли нѣмецкую слободу разорить и нѣмцевъ побить за то, что „въ нихъ благочестіе закоснѣло". Въ сущности этотъ протестъ былъ протестомъ противъ провозглашенія примата за государствомъ и земной культурой, приходившаго на смѣну примата Церкви и религіи. Чтобы провести этотъ взглядъ въ толщу народную, надо было принизить значеніе Первосвятителя Церкви — Патріарха. Вѣдь, онъ воплощаль въ своемъ лицѣ земной образъ Христа, и въ его положеніи въ государствѣ наглядно выражалась идея оцерковленія государства, лежащая въ основѣ симфоніи властей. Конечно Петру нужно было отмѣнить всѣ права Патріарха, которыя ее выражали.

Прекращеніе права печалованія Патріарха.

Мы видѣли, что Патріархъ пересталь быть официальнымъ совѣтникомъ Царя и исключень изъ Царской Думы; но этого мало: было еще одно право Патріарха, которое служило проводникомъ идеи правды въ государственное строительство. Это — право печалованія передъ Царемъ за опальныхъ и обиженныхъ, которое было публично посрамлено Царемъ и въ своемъ паденіи символизировало паденіе авторитета Патріарха. У Соловьева описана эта сцена послѣдняго печалованія въ связи съ стрѣлецкимъ бунтомъ. „Дѣлались страшныя приготовленія къ казнямъ, ставились висѣлицы по Бѣлому и Землянмъ городамъ, у воротъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и у 4-хъ сѣзжихъ избъ возмутьившихся полковъ. Патріархъ вспомнилъ, что его предшественники становились между Царемъ и жертвами его гнѣва, печаловались за опальныхъ, умаляли кровь. Адрианъ подняль икону Богородицы, отправилъ къ Петру въ Преображенское. Но Царь, завидѣвъ Патріарха, закричаль ему: „Къ чему эта икона? развѣ твое дѣло приходитъ сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свою обязанность и дѣлаю богоугодное дѣло, когда защищаю народъ и казнь злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ". Патріарха Адриана историки упрекають въ томъ, что онъ не сказалъ того, что долженъ былъ сказать Первосвященникъ, а смиренно уступивъ Царю, отошелъ со стыдомъ съ мѣста казни, не пошелъ на геройское самопожертвованіе. Физической силѣ онъ не противопоставилъ силу нравственную и не отстоялъ

право Церкви быть блюстителем высшей правды. Самое печалование оказалось не геройством Патриарха, идущаго на мученичество, а пустым обрядомъ. Унижение Патриарха отгнѣялось Петромъ тѣмъ, что онъ внялъ заступничеству иноземца, искателя приключеній Лефорта. „Лефортъ, сообщаетъ Голиковъ, съ твердостью представилъ Петру, что Государь долженъ наказывать за злодѣянїя, но не приводитъ въ отчаянїе злодѣевъ: первое есть слѣдствїе правосудїя, а послѣднее есть дѣйствїе жестокости“. Государь въ тотъ же самый часъ приказалъ остановить казнь, назначая ссылку или службу въ разные города или повѣрку въ новые полки.

Вмѣшательство Петра въ церковныя дѣла при Патриархѣ Адрианѣ.

Не только Петръ устранилъ участіе Патриарха отъ вмѣшательства въ государственныя дѣла по его праву совѣтника и по праву печаловника, но и самъ вмѣшался въ дѣла церковныя еще при Патриархѣ Адрианѣ. Въ 1698 г. онъ критикуетъ церковное управленіе Патриарха, говоритъ ему о необразованности священниковъ, что никто не смотритъ за школами, а въ 1699-1700 г. уже всѣ церковныя назначенїя дѣлаются Патриархомъ по указанію Царя. Патриархъ въ своихъ чисто церковныхъ просьбахъ принужденъ искать опоры въ Царѣ, а черезъ то и въ царскихъ приближенныхъ. Патриархъ пишетъ временщикамъ (Стрешневу, Меньшикову) просьбы замолвить о назначенїи такого-то и такого-то іерарха на каѳедру словечко передъ Царемъ. Авторитетъ Патриарха исчезаетъ, не только въ государственныхъ, но и церковныхъ дѣлахъ. За вторую половину патриаршества Адриана (1695-1700) уже прекратились его обращенїя, посланїя, окружныя грамоты къ народу, да и не бесполезно-ли было это дѣлать, когда властною рукою Царя вводилось то, съ чѣмъ боролся Патриархъ: иноземные обычаи, поруганїе русскаго платья и русскаго ношенїя бороды, насмѣшка надъ церковнымъ укладомъ жизни. **Патриархъ долженъ былъ молчать и стать орудїемъ Царя въ церковномъ управленїи.** Такъ представитель независимой по своему источнику и особымъ дарамъ благодати власти церковной, въ лицѣ своего послѣдняго на Руси ея носителя, фактически пересталъ являть собой таковую и подчинился носителю власти свѣтской, снявшему фактически и съ своей собственной власти ореолъ священный, ореолъ церковнаго чина, и подчинившему свой санъ, какъ мы видимъ, идеямъ современнаго философскаго утилитаризма. Случилось то, о чемъ предупреждали Митрополитъ Павель и Митрополитъ

Илларіонъ, въ январѣ 1667 г. во время преній на Соборѣ о власти царской и патріаршей. Они боялись, что, принимая то толкованіе объема власти царской и патріаршей, которое дано въ патріаршихъ свиткахъ, они слишкомъ недостаточно огораживаютъ власть церковную, и потому, если нельзя де ждать захвата со стороны благочестиваго Царя Алексѣя, то можно дожидаться этого со стороны его сына который окажется не столь благочестивъ. Дѣйствительно, если царской власти не были поставлены опредѣленныя преграды, или поставлены слишкомъ глухо, простымъ указаніемъ II главы на то, что Царь глава во всѣхъ политическихъ дѣлахъ безъ какихъ-либо конкретныхъ выводовъ въ этомъ смыслѣ, при наличіи чрезвычайной щепетильности свитковъ въ защитѣ царской власти, то дѣло могло вернуться къ полному цезарепапизму, который не заставилъ долго ждать и нашель теоретическаго защитника въ лицѣ Теофана Прокоповича.

Дискредитированіе Петромъ сана Патріарха въ бытовомъ отношеніи.

Борясь съ патріаршествомъ, которое по своему государственному положенію было олицетвореніемъ тѣхъ церковныхъ идеаловъ, которые призвано было имѣть и само государство по теоріи симфоніи, Петръ принужденъ былъ озаботиться въ этой борьбѣ съ церковными идеалами жизни житейскимъ и теоретическимъ дискредитированіемъ того, кто своимъ саномъ и положеніемъ въ государствѣ былъ носителемъ ихъ для членовъ Церкви и для членовъ государства, то-есть съ Патріархомъ. Житейскимъ дискредитированіемъ сана было учрежденіе вакханальнаго „всешутѣйшаго, сумасброднѣйшаго и всепьянѣйшаго собора князя Іоаникиты, Патріарха Пресбургскаго, Яузскаго и всего Кукуя". При немъ былъ, рассказываетъ Скворцовъ („Патріархъ Адріанъ" Прав. Соб. 1912 г.), конклавъ изъ 12 кардиналовъ, отъявленныхъ пьяницъ и обжоръ со штатомъ Епископовъ и архимандритовъ и т. д., носившихъ прозвища, которыя, по замѣчанію Ключевскаго, никогда не появлялись въ печати ни при какомъ цензурномъ уставѣ. Петръ былъ здѣсь протодьякономъ. Неизвѣстно когда была учреждена эта пародія на Папу и Патріарха, но только, что она была уже въ 1695 году, ибо въ это время на пирахъ главою компаніи былъ Всешутѣйшій отецъ Іоаникита (Зотовъ Никита) Пресбургскій, Кукуйскій и Всеяюзскій Патріархъ. А на рождествѣ въ 1694 г. вся компанія ѣздила съ Царемъ Христа славить по боярамъ и палатнымъ людямъ. Корбъ, секретарь Австрійскаго посольства,

описывает, что театральный патриархъ въ сопровожденіи многихъ своихъ митрополитовъ и прочихъ лицъ, числомъ всего 200 человекъ (въ 1699 г.) прокатился въ 80 саняхъ черезъ весь городъ въ нѣмецкую слободу съ посохомъ, въ митрѣ и съ другими знаками присвоеннаго ему достоинства". Патриарху пришлось, по слабости его характера молчать и тогда, когда Царь отмѣнилъ обычай въ Недѣлю Ваій, и тогда, когда онъ сталъ высмѣивать и самый его санъ. Патриархъ оставался молчаливымъ зрителемъ и надвигавшагося вторженія иноземныхъ обычаевъ, съ которыми онъ боролся сначала (брадобритіе, нѣмецкія одежды, куреніе табаку, легкое отношеніе къ постамъ и преданіямъ старины). Однако Петръ не дѣлалъ изъ самаго Патриарха видъ жертвы, несправедливо притѣсняемой, которая могла бы объединить всѣхъ ему сочувствующихъ вокругъ Патриарха, и оказывалъ ему внѣшніе знаки почета: передъ отправкой въ походъ въ 1695 г., по возвращеніи изъ похода въ 1697 г., передъ поѣздкой за границу въ 1698 г., онъ дѣлалъ Патриарху визиты и по нѣсколькимъ часамъ и принималъ отъ него благословеніе образомъ. Онъ не рѣшился даже затронуть Патриарха въ дѣлѣ отказа его постричь неканонически его супругу Евдокію въ его отсутствіе въ заграничной поѣздкѣ и обрушилъ весь свой гнѣвъ на архимандрита и 4 поповъ, о которыхъ Патриархъ сказалъ, что они нашли этотъ постригъ несправедливымъ. Патриархъ могъ дѣйствительно указывать, что и другія духовныя лица, считая такой постригъ неканоническимъ, не соглашались въ немъ участвовать. Но фактъ остается, что Патриархъ не былъ затронутъ Царемъ, пострадали другіе, но авторитетъ слабавольнаго Патриарха, не дѣйствовавшаго открыто и смѣло, сильно палъ. Такъ постепенно Петръ велъ къ дискредитированію патриаршаго сана въ глазахъ всего общества.

До поры до времени Петръ выставлялъ себя продолжателемъ старорусскихъ традицій, направлявшихъ внѣшнюю политику на югъ, и въ этомъ отношеніи имѣлъ общія точки соприкосновенія съ Патриархомъ, увѣрялъ даже его письмами изъ Голландіи, что онъ работаетъ для освобожденія восточныхъ христіанъ — идея, которую поддерживали и наши, и восточные Патриархи со времени пріѣзда Патриарха Іереміи въ концѣ XVI вѣка. Лишь послѣ возвращенія Петра въ 1699 г. изъ-за границы, когда онъ вошелъ въ коалицію противъ Швеціи, ясно стало, что онъ повертываетъ внѣшнюю политику съ юга на западъ, а внутренне подчиняетъ Русь нѣмецкому культурному вліянію вмѣсто собственныхъ православныхъ началъ.

Измѣненіе идеологіи царской власти при Петрѣ.

Это вліяніе сказалося и въ пониманіи царской власти. Царь снимаетъ съ себя тяжелыя парчевыя одѣянія, роднящія его и по внѣшности съ другими церковными іерархическими чинами, и является всегда въ военномъ мундирѣ. Самъ костюмъ Царя отражаетъ измѣнившуюся идеологію. Сначала, когда надо было доказать безграничность царской власти и то положеніе, что права церковнаго управленія по существу своему принадлежатъ царской власти, Теофанъ Прокоповичъ использовалъ Византійскіе источники съ ссылками на Вальсамона и доказывалъ, что будто Царь можетъ дѣлать все архіерейское кромѣ богослуженія, и самъ есть высшій Архіерей, а послѣ, въ „Правдѣ Воли монаршей" подводилъ подъ царскую власть въ стилѣ англійскаго философа Гоббса совершенно иное основаніе — передачу всей власти народомъ, а идея Царя — священнаго чина совершенно ступшевывалась, хотя и оставалась въ обрядахъ при коронованіи; Царь не связанъ уже обязательными идеалами Церкви, какъ то было въ теоріи симфоніи, а самъ ихъ даетъ; сегодня одинъ Царь можетъ руководствоваться идеями утилитарной философіи, завтра — другой идеями вольтеріанства, потомъ третій идеями мистическаго общехристіанства въ стилѣ начала XIX вѣка, и можетъ въ зависимости отъ духа времени и моды опредѣлять и свое отношеніе къ Церкви. Всему этому произволу противостоитъ та идея православнаго Царя, связаннаго и въ личной и въ общественной жизни, которую высказывалъ и защищалъ цѣной своей жизни Никонъ.

Внѣшняя политика, направленная на югъ, симпатіи къ востоку, внутренній укладъ церковно-гражданской жизни по Византійскому церковному образцу были звеньями одной цѣпи. Никонъ возвышалъ и расширялъ эти стремленія подъ общимъ знаменемъ Православія. Ради защиты Православія онъ, какъ совѣтникъ Государя, высказывается за войну съ Польшей; онъ на востокѣ ищетъ путей возвышенія самаго русскаго Православія и оставляетъ свою прежнюю точку зрѣнія національнаго самомнѣнія въ этомъ вопросѣ, видѣвшую въ русскихъ проявленіяхъ Православія высшее достиженіе; ради Православія онъ рисуеъ идею православнаго Царя, связаннаго на дѣлѣ своимъ вѣроисповѣданіемъ. Православіе, какъ ученіе и жизненный путь — всегда его руководящій мотивъ. Когда Петръ отдалъ примать идеѣ государства, онъ оторвалъ отъ государства доселѣ освящавшій его принципъ и, паганизируя государство, уводилъ его

на путь культуры материалистической и воскрешалъ въ жизни идею понтифекса максимуса.

Дискредитированіе патріаршества въ теоретическомъ отношеніи. Теофанъ Прокоповичъ возражаетъ въ „Розыскъ“ идею Царя понтифекса максимуса.

Глашатай его идей Теофанъ Прокоповичъ сказалъ это ясно. Вмѣсто того, чтобы опредѣлять права государя изъ природы власти государственной и права Первосвятителей изъ природы власти церковной, какъ то дѣлалъ Никонъ, Теофанъ подобно Лигариду, идетъ путемъ историческимъ и исходитъ въ своемъ „Розыскѣ“ изъ того, что Римскій императоръ носилъ имя Понтифексъ максимусъ; „было это ради четырехъ причинъ: 1) что ни отъ кого не былъ судимъ въ дѣлахъ управленія своего, 2) что понтифексъ великій единъ только былъ, не имѣлъ другого себѣ равнаго, 3) что онъ долженъ былъ наблюдать начинанія какъ сенатскія, такъ и всенародныя, не суть-ли противны благочестію, 4) что онъ былъ въ томъ чину непремѣнно до кончины живота своего. Эти прерогативы были нужны для самовластительства императорскаго. Въ началѣ самодержавства Римскихъ императоровъ могли бы начинанія ихъ быти отъ Сената и отъ народа, но великій понтифексъ могъ бы нетрудно пріискать будто благословскую вину, намѣренію императорскому противную, и дѣлу, отъ Императора намѣченному, пресѣченіе положить. И такъ власть императорская была-бы аки связана. Того ради первіи Римскіи Кесари, желая весьма свободную монархію возымѣть, съ насиліемъ получить того не дерзая, изряднымъ умысломъ присовокупили къ себѣ санъ понтифекса великаго“. Намекъ на отношеніе Царя къ Патріарху ясенъ. Теофанъ старается доказать, что императоры Римскіе, и вслѣдъ за ними Византійскіе имѣли въ своихъ рукахъ и свѣтскую и духовную власть, ссылаясь подобно Лигариду, на языческихъ писателей — Овидія, Цицерона, Тацита, Плинія, Тита Ливія и Плутарха. Затѣмъ Теофанъ указываетъ, что и христіанскіе императоры продолжали называться понтифексами для упроченія своей власти. Императоры теперь могутъ называться не только епископами, но и епископами епископовъ, ибо Царь, какъ онъ доказывалъ въ „Словѣ о власти и чести царской“, есть власть высочайшая, „надсмотритель совершенный, крайній верховный и вседѣйствительный т. е. имѣющій силу и повелѣніе и крайняго суда и наказаній надъ всѣми подданными чинами и властями, какъ мірскими, такъ и духовными“. „Государи могутъ называться и Архіереями, но только въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ Св. Писаніе называетъ великаго христіанина іереемъ. Но

конечно ихъ нельзя называть Архіереями въ спеціально церковномъ смыслѣ, потому что имъ не подобаетъ отправлять самимъ церковную службу". Всѣ эти разъясненія Теофанъ приводитъ для того, чтобы показать, что Царь все можетъ и въ церковныхъ дѣлахъ кромѣ совершенія богослуженія, такимъ образомъ заранѣе реформа Петра получаетъ оправданіе, какъ исходящая будто бы отъ власти компетентной.

Теофанъ стремится дискредитировать патріаршество и въ политическомъ отношеніи, намѣренно его смѣшивая съ папствомъ.

Церковь, какъ особый организмъ съ присущей ему властью законодательной, правительственной и судебной, совершенно исчезаетъ въ системѣ Теофана, и вся эта сфера церковной дѣятельности оказывается присущей самому монарху. Для того, чтобы дискредитировать понятіе о Церкви съ ея собственными правами на законодательство, управленіе и судъ, Теофанъ говоритъ о папствѣ, понося его за захватъ власти въ ущербъ власти царской съ одной стороны, а съ другой, смѣшивая умышленно съ папствомъ патріаршество съ цѣлью возбудить къ послѣднему недовѣріе.

Игнорируя всякое различіе по существу между системой папства, которое составляетъ изъ цѣлаго комплекса идей, чуждыхъ православію, и системой восточнаго соборнаго управленія Церковью, совершенно чуждаго идеѣ захвата свѣтской власти, Теофанъ муссируетъ отношеніе Папъ и Императоровъ, обвиняя первыхъ въ любочестіи и своекорыстіи, а вторыхъ въ слабости и самоуниженіи передъ представителями Церкви, какъ будто дѣло идетъ о Патріархѣ и Царѣ. Теофанъ говоритъ объ обычаяхъ Недѣли Ваій, о подачѣ угощенія Императоромъ Патріарху, какъ о явленіи духа папезскаго. Петръ не любилъ папства по политическимъ причинамъ, Теофанъ по болѣе общимъ соображеніямъ богословскимъ, но въ общей враждѣ къ церковному строю жизни, они намѣренно отождествляли этотъ строй съ папезскимъ духомъ и поощряли всякое нападеніе на него, какъ будто это папство было наличной системой русской дѣйствительности.

Переводы сочиненій Пуффендорфа.

По приказу Царя переводилось сочиненіе Пуффендорфа („Введеніе въ исторію Европейскихъ государствъ“) съ рѣзкими нападками на Папъ, на все католическое и даже на иныхъ Отцовъ Церкви. Тамъ возбуждался вопросъ, правильно-ли свѣтское господ-

ство Папы въ своей монархіи, отъ Христа-ли оно, или отъ коварства и хитрости Папъ. Русскому читателю самому предоставлялось дѣлать выводы для русской жизни, причемъ внушалось, что какъ будто нѣчто подобное затѣвается и въ Россіи. Сочиненіе Пуффендорфа предназначено было быть руководствомъ для Царевича Алексѣя.

Основная идея Теофана — дать основу теоретическую для уничтоженія патріаршества.

Подъ видомъ борьбы съ воображаемыми папистскими идеями шла борьба съ церковной культурой прежняго времени, и идея патріаршества была тѣмъ фокусомъ, который служилъ олицетвореніемъ прежняго значенія и положенія Церкви; Теофанъ въ корнѣ намѣревался поразить это учрежденіе, оставляя совершенно въ сторонѣ его самостоятельное церковное происхожденіе и признаніе Вселенскими Соборами, и вводя теоретически все церковное управленіе въ сферу дѣйствія власти царской, онъ давалъ принципиальную возможность Царю уничтожить Патріаршество, устроить церковное управленіе по своему вкусу и растворить его въ управленіи государствомъ.

Теофанъ о прекращеніи возношенія имени Восточныхъ Патріарховъ.

Теофанъ написалъ, кромѣ „Розыска историческаго" въ которомъ онъ изслѣдовалъ вопросъ о наименованіи Императоровъ понтифексами и архіереями, еще „О возношеніи имени патріаршаго (т. е. именъ греческихъ Восточныхъ Патріарховъ) въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ Церквахъ Россійскихъ оставлено. Теофанъ отстаивалъ необходимость прекращенія возношенія, ибо это показывало-бы „власть возносимаго надъ возносящимъ, Россійская же Церковь отлучена стала отъ власти патріаршей". Противъ этого рѣшенія протестовалъ Стефанъ Яворскій въ сочиненіи „Вопросы—отвѣты о значеніи Патріарховъ". Но Синодъ призналъ протестъ своего президента несправедливымъ и возмутительнымъ, терзающимъ міръ церковный, вреднымъ для государственнаго спокойствія и возбуждающимъ народъ. Этотъ протестъ былъ скрытъ отъ публики, и самому Митрополиту Стефану подъ угрозой запрещалось его кому либо показывать (12. VI 1721 г.). Возраженіе Стефана вмѣнилось ему чуть не въ государственное преступленіе.

Лютеранское направлєніє реформы (въ общественномъ смыслѣ).

Между тѣмъ дѣйствительное отступничество отъ Православія было на сторонѣ Θεοφана, отступничество не въ религіозномъ, а въ общественномъ смыслѣ въ пользу „лютеранства“, какъ писалъ Θεοφилактъ Лопатинскій. Его направлєніє представляло непримиримую противоположность прежнему направлєнію учительнаго сословія, стоявшаго во главѣ умственнаго движенія русскаго общества, противоположность, болѣе рѣзкую, чѣмъ та, которая была въ 17 вѣкѣ между Москвичами и Кієвлянами. Вѣдь, и тѣ и другіе были защитниками духовнаго авторитета; разница была въ томъ, что одни, какъ Кієвляне и Никонъ въ Москвѣ, считали необходимой для поддержки этого авторитета, науку, а другіе отстаивали старинную „простыню“ разума, отрицая науку, какъ дьявольское навожденіе. Новое же „лютеранское“ направлєніє принципиально отвергало вовсе всякій авторитетъ духовенства, какъ учительнаго сословія, отрицало на практикѣ теорію превосходства духовной власти надъ свѣтской, какъ она вытекала изъ теоріи симфоніи, и вообще значеніе духовенства среди другихъ общественныхъ классовъ. Прежнее вліяніе духовенства ассоціировалось для Θεοφана съ католицизмомъ, и потому въ старинѣ онъ видѣлъ лишь папезскій духъ, который подлежалъ истребленію, и въ этомъ онъ сталъ надежнымъ совѣтникомъ и помощникомъ Петра. Θεοφанъ доказалъ по своему, что все церковное управленіе принадлежитъ царской власти; для него тотъ переворотъ, который произвело христіанство въ ученіи о границахъ государственной власти, какъ бы не существовалъ; царская власть въ его глазахъ была соединеніемъ и царскаго и первосвятительскаго достоинства, становилась не просто священнымъ чиномъ, а чиномъ равнымъ архіерейскому по благодати управленія. Лютеранство, по принципу отвергающее священство и іерархію, естественно всѣ прежнія права Епископовъ по церковному управленію передавало монарху, и лютеранофильство Θεοφана какъ бы укрѣпляло его возрѣніе на монарха, какъ на источникъ церковной власти. Θεοφанъ называлъ Германію матерью всѣхъ странъ, и говорилъ протестантскимъ богословамъ: „Если желаете знать обо мнѣ, что я за человекъ, знайте, что я всецѣло преданъ всѣмъ любящимъ истину... Такъ и теперь я расположенъ къ вамъ...“

Отзывы современныхъ Петру нѣмцевъ о церковной реформѣ Петра.

Естественны были обвиненія Теофана въ лютеранствѣ, если не въ смыслѣ принятія богословскаго ученія, то въ смыслѣ общаго склада его убѣжденій и направленія его дѣятельности. Его дѣтище, совмѣстно имъ съ Петромъ I порожденное — „Духовный Регламентъ“, получило отъ протестантовъ самый лестный отзывъ въ брошюрѣ вышедшей въ Германіи подѣ заглавіемъ „Curieuse Nachrichten von der itzigen Religion Ihre Kaiserliche Majestät in Russland Petri Alexievich und seines grossen Reichs dass dasselbe fast nach Evangelisch Lutherischen Grundsätzen eingerichtet sei“. Заключеніемъ этой брошюры было заявленіе, что Петръ выводитъ православную Россію на путь Россіи лютеранизирующей, хотя въ ней есть „остатки отъ папства“. „Вмѣсто Папы русскіе имѣли своего Патріарха, пишетъ авторъ брошюры, значеніе котораго въ ихъ странѣ также велико, какъ и значеніе Папы въ Италіи и въ Римско-Католической Церкви. Русскіе сохранили почитаніе Святыхъ; Св. Николай считается у нихъ патрономъ страны, и даже по смерти они получаютъ отъ епископа письмо къ этому Святому, въ доказательство, что они умерли въ истинной вѣрѣ и должны быть пропущены на небо. Такова греческая религія. Но въ правленіе Петра эта религія измѣнилась во многомъ, ибо онъ понялъ, что безъ истинной религіи никакія науки не могутъ приносить пользы. Въ Голландіи, Англіи и Германіи онъ узналъ, какая вѣра наилучшая истинная и спасающая, и крѣпко запечатлѣлъ въ своемъ умѣ. Общеніе съ протестантами еще болѣе утвердило его въ этомъ образѣ мыслей; мы не ошибемся, —если скажемъ, что Его Величество представлялъ себѣ истинную религію въ видѣ лютеранской. Ибо, хотя въ Россіи до сихъ поръ еще не все устроено по правиламъ нашей истинной религіи, однако тому уже положено начало, и мы тѣмъ менѣе можемъ сомнѣваться въ счастливомъ успѣхѣ, что мы знаемъ, что только грубые и упорные умы, воспитанные въ своей суевѣрной греческой религіи, не могутъ быть измѣнены сразу и уступаютъ только постепенно; ихъ, какъ дѣтей, слѣдуетъ приводить шагъ за шагомъ къ познанію истины. Церковныя реформы Петра для автора залогъ побѣды протестантизма въ Россіи: „Царь отмѣнилъ патріаршество и по примѣру протестантскихъ князей объявилъ себя самого верховнымъ епископомъ всей страны“. Авторъ хвалилъ Петра за то, что, вернувшись изъ-за границы, онъ приступилъ къ реформѣ народнаго быта. „Что касается до призванія святыхъ, то Его Величество указалъ, чтобы изображенія Св. Николая нигдѣ не стояли въ

комнатахъ, чтобы не было обычая, приходя въ домъ, сначала кланяться иконамъ, а потомъ хозяину... Система обученія въ школахъ, устроенныхъ Царемъ, совершенно лютеранская, и юношество воспитывается въ правилахъ истинной Евангельской религіи. Монастыри значительно ограничены, такъ что не могутъ уже служить, какъ прежде, притонами для множества праздныхъ людей, которые представляютъ для государства тяжелое бремя и могутъ противъ него возмущаться. Теперь всѣ монахи обязаны учиться чему-нибудь хорошему, и все похвально устроено. Чудеса и мощи также уже не пользуются прежнимъ уваженіемъ; въ Россіи, какъ и въ Германіи стали уже вѣрить, что въ этомъ отношеніи много наплутано. Если въ Россіи будетъ отмѣнено призываніе святыхъ, то не будетъ вѣры и въ личную заслугу передъ Богомъ, и въ добрыя дѣла, а равно исчезнетъ и мнѣніе, будто можно получить небесную награду путешествіемъ по святымъ мѣстамъ или щедрыми подаяніями на духовенство и монастыри; такимъ образомъ единственнымъ средствомъ для достиженія вѣчнаго блаженства останется вѣра въ Іисуса Христа, составляющаго основу истинной евангельской религіи". Авторъ надѣется, что при помощи Божіей и при содѣйствіи Царя, все это скоро устроится. Можно было бы думать, что эти протестантскія похвалы Петру были преувеличены, если-бы не дѣйствительность, показывающая совершенно опредѣленно направленіе Петровскихъ реформъ.

Въ чемъ проявился лютеранскій характеръ церковной реформы Петра.

Мы говоримъ уже не о вливаніи въ понятіе царской власти протестантскаго ученія о *jus reformandi*, а о дальнѣйшемъ проникновеніи лютеранскаго ученія, которое такъ сказалось въ отношеніи къ иконамъ, почитанію мощей и, главное, въ мысли о спасеніи вѣрою безъ добрыхъ дѣлъ, положенной въ основу отношеній къ монашеству во всемъ Петровскомъ законодательствѣ, а также и въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ. Такъ въ 1721 г. Ѳеофанъ по порученію Царя и отъ имени Синода писалъ о бракахъ съ иновѣрными. Петръ хотѣлъ удержать шведскихъ плѣнныхъ для горнозаводскихъ дѣлъ и приказалъ Синоду издать указъ, разрѣшавшій имъ жениться на русскихъ безъ перемѣны вѣроисповѣданія. А Ѳеофану онъ поручилъ доказать соотвѣтствіе этого указа аргументами изъ Св. Писанія и Св. Отцовъ Церкви. Въ самомъ Духовномъ Регламентѣ сказывается лютеранская мысль объ образованіи на мѣсто Патріарха Коллегіи, какъ съ другой стороны выявляется и созданный воображеніемъ и боярской клевет-

той образъ Никона, захватывающаго царскую власть. Въ глазахъ Петра Патріархъ отождествлялся съ Папой въ политическомъ отношеніи, и сторонники независимаго отъ свѣтской власти церковнаго управленія для него были люди папезскаго духа. Въ лютеранствѣ же Церковь была частью государственнаго механизма и управлялась коллегіально. Эта готовая форма церковно-государственныхъ отношеній показалась ему образцомъ, ибо онъ отвергалъ авторитетъ Патріарха и не допускалъ хотя и относительной независимости Церкви въ государствѣ. Въ Регламентѣ онъ нападаетъ на защитниковъ старины и стремится доказывать достоинство своихъ преобразованій. Онъ не хочетъ сказать прямо, что онъ борется съ направлениемъ церковнымъ, и прячется за приписываніе высшимъ представителямъ Русской Церкви того, въ чемъ они не были въ дѣйствительности повинны, и дѣлаетъ это не прямо, а косвенными намеками на какіе то „замахи“. Вотъ его разсужденіе по этому вопросу. Сказавъ, что „извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ словіемъ, нежели единымъ лицомъ“ и не такъ, какъ единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится, что въ коллегіумѣ и самъ президентъ подлежить суду послѣднихъ“, Регламентъ говоритъ, что „Коллегія не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзамъ сложившаяся“ (каковой кажется Царю старая партія). „Велико и сіе, что отъ соборнаго управленія не опасатися отечеству мятежей и смущеній, яковыя происходятъ отъ единого собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнствуеть власть духовная отъ самодержавной, но великаго и высочайшаго пастыря честію и славой удивляемый помышляетъ, что таковой правитель есть то второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И се самъ собой народъ тако умствовати обыкль, что же егда еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хврастію огонь подложатъ. Тако простыя сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего яко на верховнаго пастыря въ коемъ либо дѣлѣ смотрятъ. И когда услышится нѣкая между оными распря, вси духовному чину паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно согласуютъ и за него поборствовать и бунтовати дерзають и льстятъ себя, окаяннии, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ и руки своя не оскверняютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися. Такому-же въ народѣ мнѣнію многіе вельми рады и простые, но коварные человѣцы; тіи бо на Государя

своего враждующе, егда увидятъ ссору Государя съ пастыремъ, похищаютъ то за добрый случай злобы своей и подъ видомъ церковной ревности не сумнятся подносить руки на Христа Господа, и къ такому же беззаконію яко къ дѣлу Божию, подвизаютъ простой народъ, что же когда и самъ пастырь таковымъ о себѣ надмень мнѣніемъ, спать не хочетъ? Изрещи трудно, коликое отсюда бѣдствіе бываетъ. **Да не вспомнятся подобные и у насъ бывшіе замахы"**. Замахы духовенства — любимая тема Теофана и Петра. Намекъ на Никона ясенъ, какъ ясно и то, что взору Петра предносился не дѣйствительный Никонъ, а Никонъ, созданный Лигаридомъ и боярскимъ окруженіемъ Царя Алексія Михайловича. Причиной уничтоженія патріаршества была даже не воображаемая вина Никона, а стремленіе власть православнаго Царя, ограниченнаго церковными правилами, превратить въ абсолютнаго монарха, несдерживаемаго ничѣмъ, и дать своей властью силу тѣмъ устремленіямъ и идеямъ, которыя, не будучи строго православными, никогда не могли-бы быть допущены Первосвятителемъ, отвѣтственнымъ передъ своей Церковью. Духъ этихъ реформъ узнается въ сочиненіяхъ Теофана призваннаго ихъ защищать.

Сочиненія Теофана для образованія народа, по порученію Царя написанныя.

Въ 1720 г. Теофанъ написалъ „Первое ученіе отрокамъ". Тамъ Теофанъ развивалъ мысль, что отъ воспитанія зависитъ жизнь человѣка и цѣлаго народа, а между тѣмъ у насъ все благополучіе полагалось на внѣшнихъ обрядахъ, безъ поясненія основъ благочестія, черезъ что и отроки лишены подобающаго воспитанія. Всѣ прежнія книги, по Теофану, внушали дѣтямъ лишь безусловную покорность авторитетамъ старины, святости преданія, суевѣрную боязнь „мнѣнія" — презрѣніе къ иноземнымъ ересямъ, — все то, противъ чего возставали Петръ и Теофанъ. Теофанъ не столько развивалъ положительное ученіе, сколько критиковалъ недостатки старины, какъ препятствіе для усвоенія новыхъ идей, даже въ руководствахъ для дѣтей. Онъ хотѣлъ перевоспитать народъ. Катихизисъ его предназначался для заучиванія вмѣсто псалмовъ и молитвы, а тамъ Теофанъ вставлялъ насмѣшки надъ древнерусскимъ благочестіемъ, надъ почитаніемъ иконъ, мощей, Святыхъ мѣсть и тому подобное „Идолослуженіе есть, писалъ онъ, когда кто честь Божию воздаетъ образу или подобію какой либо вещи... идоли, т. е. образники; о христіанскихъ же иконахъ, что разумѣти подобаетъ? Лгутъ на Бога

они проклятіи лестцы, которые иконамъ святымъ или мощамъ и мѣсту нѣкому претворяють чудеса и откровенія. Нерѣдко таковыми явишася прелестницы, которые прибытка ради притворныя за святыхъ мощи принесоса, якоже въ Москвѣ иногда случися, что всѣмъ извѣстно есть.... Теофанъ въ самомъ нежномъ возрастѣ зароняль сѣмена сомнѣній и критики къ самымъ святымъ вещамъ подъ видомъ критики злоупотребленій. Дальнѣйшимъ шагомъ было изданіе книги „Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе“, написанной по спеціальному порученію Петра и напечатанное въ 1722 г. въ 3-хъ изданіяхъ. Въ памятной книжкѣ Петра I написано: „Написать книгу о ханжахъ и изъяснить блаженства (Кротость Давидову и проч.), что не такъ, какъ они думаютъ, и приплестъ къ требнику, а въ предисловіи явить то дѣльцамъ Ростовскаго (т. е. Епископа Димитрія) съ товарищи и также, что не противились мученики въ свѣтскихъ дѣлахъ“. Отвѣтомъ и была книга „О блаженствахъ“, которая была послана ему въ Астрахань и имъ очень одобрена, какъ значится въ его помѣткахъ. Самъ Петръ приписалъ о ханжествѣ и лицемѣрїи, въ которыхъ доказывалъ, что въ этихъ порокахъ грѣхъ противъ всѣхъ 10 заповѣдей.

Книга Теофана, написанная противъ аскетическаго идеала.

Въ древне-русскомъ благочестїи усматривалось только суевѣріе и лицемѣрная набожность для цѣлей вовсе нерелигіозныхъ. Теофанъ въ своемъ ученїи объ оправданїи выступилъ противникомъ господствовавшихъ у насъ и въ народѣ, и въ богословіи идей, что вѣчную жизнь можно заслужить только подвигами, что достоинство сихъ подвиговъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью или сопровождающими ихъ лишенїями и страданїями. Потому и къ монашеству онъ относился, если не совсѣмъ отрицательно, то неблагоклонно, считая аскетическій идеаль несостоятельнымъ, а практическое приложеніе его требованій въ Россїи несомвѣстнымъ съ понятїемъ благоустроеннаго централизованнаго государства, гдѣ каждый подданный долженъ нести извѣстныя повинности. Но масса народа не воспринимала новыхъ идей и вступала съ ними въ активную борьбу, выдѣля изъ своей среды то отдѣльныхъ непокорныхъ людей, заявлявшихъ протестъ, то цѣлыя толпы непокорныхъ. Въ нихъ Теофанъ видѣлъ невѣждъ, нафанатизированныхъ ханжами и лицемѣрами для корыстныхъ цѣлей. Послѣднимъ онъ и посвятилъ большую часть книги о блаженствахъ. Здѣсь Теофанъ подвергалъ критикѣ идею добровольнаго мученичества тѣхъ, которые погибали нарочно, чтобы

спасти отъ наступившаго, какъ они говорили, Антихристова Царства. Много было здѣсь и насмѣшекъ противъ мнимой святости тѣхъ, которые „преизлишне смиряются или дѣйствія, противныя природѣ, показываютъ“. Дѣло въ томъ, что, бичуя недостатки извѣстныхъ современныхъ явленій, Теофанъ вообще не выдѣлялъ самой идеи отъ всѣхъ злоупотребленій, въ которыя иногда выливалось ея осуществленіе, и такимъ образомъ для читателя получалось впечатлѣніе опредѣленное, что Теофанъ нападаетъ не только на эти злоупотребленія, но и на самую суть, на самыя установленія Церкви (мощи, иконы). Книга о блаженствахъ предназначалась къ разрушенію въ обществѣ аскетическаго идеала. Когда впослѣдствіи, при Аннѣ Иоанновнѣ, по дѣлу архимандрита Маркелла Родышевскаго, преслѣдуемаго за идеи возстановленія патріаршества и аскетическаго идеала и за критику Духовнаго Регламента и Указа о Монашествѣ, запрашивали Синодъ объ авторѣ книги „О блаженствахъ“, Синодъ отвѣчалъ, что книга составлена по указу Его Величества и авторъ Синоду неизвѣстенъ, но есть въ Синодѣ царскій Указъ отъ 3-го іюля 1722 г., писанный Царемъ собственноручно съ одобреніемъ этой книги и повелѣніемъ сдѣлать къ ней предисловіе. Архимандритъ Маркель Родышевскій въ 1732 г. былъ онъ сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь за тѣ доносы, которые дѣлалъ на Теофана въ 1726 г. и за обличеніе въ ересяхъ книгъ, одобренныхъ Государемъ (Петромъ).

Отношеніе Теофана Прокоповича къ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.

Въ борьбѣ противъ старорусскихъ традицій у Теофана протестантизмъ былъ союзникомъ. А въ основѣ Теофанъ былъ утилитаристъ, относившійся ко всѣмъ отвлеченнымъ идеямъ, въ томъ числѣ и религіознымъ, съ точки зрѣнія результатовъ непосредственнаго примѣненія ихъ къ общественной и государственной жизни на практикѣ. Протестантизмъ былъ ему удобенъ и съ точки зрѣнія признанія верховенства правъ Государя во всѣхъ дѣлахъ, даже церковныхъ. Съ этой точки зрѣнія и католицизмъ, и древнерусскій церковный укладъ жизни для него были теократіей, умственнымъ застоємъ и обскурантизмомъ, тогда какъ лютеранство было для него освобожденіемъ разума отъ давленія церковнаго авторитета, внесеніемъ элементовъ критики и прогресса. Строго-православное ученіе Никона съ его теоріей симфоніи властей, чуждое католической окраски и католическаго ученія о косвенной власти Папы въ

свѣтскихъ дѣлахъ, и продолжавшее святоотеческую традицію независимости и самостоятельности церковной власти, или не было вовсе извѣстно Теофану, или смѣшалось для него съ понятіемъ теократіи въ той ея формѣ, въ которой носителемъ всей власти является единоличный органъ Папа. Вѣдь само патріаршество для Теофана было лишь проявленіемъ папезскаго духа, тѣмъ же папствомъ, ибо для него было непріемлемо то верховенство духовныхъ цѣлей жизни, которое несла съ собой идея патріаршества въ русской дѣйствительности. Въ негодованіи на этотъ приматъ духовныхъ цѣлей, которыя онъ жертвовалъ передъ голой идеей государства, которой былъ проникнутъ Петръ, онъ смѣшивалъ въ одно и патріаршество, и папство, не смотря на всю глубокую рознь этихъ двухъ институтовъ, изъ которыхъ одинъ есть твореніе Восточной Церкви съ ея постояннымъ раздѣленіемъ Кесарева отъ Господняго, и идеей оцерковленія государства, а другой есть твореніе Западной Церкви, вѣрнѣе латинскаго административнаго генія съ его идеей Церкви, превращающейся въ государство. Но Петръ, борясь съ патріаршествомъ, созданнымъ Церковью, игнорируя церковныя постановленія о церковной собственности, вторгаясь властно во внутреннія церковныя отношенія, обнаружилъ полное игнорированіе Церкви, какъ особаго учрежденія, имѣющаго свои цѣли, средства и свои особыя полномочія. И въ этомъ игнорированіи ея заключался самый тяжкій разрывъ съ московскимъ порядкомъ церковно государственныхъ отношеній, основанныхъ на идеѣ симфоніи властей.

Мѣры Петра противъ Церкви, предшествующія формальной замѣнѣ Патріарха Коллегіей.

Петръ не сразу уничтожилъ патріаршество. Сначала онъ только не позволилъ избрать на мѣсто умершаго Патріарха Адріана другого Патріарха, а назначилъ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, но онъ постепенно вырывать изъ вѣдѣнія Церкви рядъ ея прежнихъ правъ, проявивъ на дѣлѣ свое полномочіе, которое литературно обосновывалъ для него Теофанъ.

Власть мѣстоблюстителя была ограничена съ самага начала. При назначеніи его былъ уничтоженъ Патріаршій Приказъ, и его дѣла распределены по другимъ вѣдомствамъ. Монастырскій Приказъ, учрежденный 31 января 1701 года взялъ въ управленіе всѣ церковныя вотчины; мѣстоблюстителю были оставлены только духовныя дѣла, да и то не вполнѣ. Всѣ важныя дѣла шли черезъ Монастырскій Приказъ, даже назначеніе духовныхъ лицъ. Мусинъ Пуш-

кинъ, стоявшій во главѣ Монастырскаго Приказа, объявлялъ повелѣнія Царя мѣстоблюстителю. Патріаршая типографія отдана въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа; изданіе сочиненій, переводовъ, духовныхъ книгъ происходили помимо мѣстоблюстителя; также и духовныя школы поставлены въ зависимость отъ Монастырскаго Приказа. Наконецъ, въ духовный судъ были введены фискалы отъ правительства, что было также прямымъ вторженіемъ въ чисто церковную компетенцію, несмотря на рѣзкій протестъ Стефана, указавшаго на непристойность этого явленія и на ненормальную безотвѣтственность фискаловъ, имѣвшихъ право безнаказанно доносить, хотя-бы и безъ всякаго основанія. Своими Указами о монашествѣ Петръ отвергъ аскетическій идеаль жизни, обезглавленіемъ Церкви онъ отнялъ у нея защитника ея правъ и идеаловъ; вторженіемъ въ ея управленіе онъ отнялъ у нея независимость въ ея собственной сферѣ; взятіемъ въ управленіе ея имущества, онъ отнялъ у нея возможность имѣть въ общественной жизни прежнее значеніе; онъ не только подчинилъ ее государству и умалилъ ея общественное значеніе, но уничтожилъ самое ея понятіе, какъ особаго учрежденія съ неотъемлемыми правами, а ея служителей превратилъ въ государственныхъ чиновниковъ, получающихъ свое положеніе изъ рукъ государства. Мы послѣдовательно прослѣдимъ, какъ Петръ, подъ вліяніемъ идей чисто государственныхъ, сломилъ учрежденія Церкви, поставивъ на мѣсто ихъ учрежденія государственныхныя, и какъ послѣднія онъ окрасилъ утилитарной идеей, совершенно покончивъ съ идеей симфоніи властей, въ теченіе вѣковъ одухотворявшей строй русскаго государства.

Отношеніе Петра къ Церкви.

Стефанъ Яворскій, въ проповѣди, сказанной въ 1710 г., охарактеризовалъ направленіе церковной реформы именно въ смыслѣ измѣненія тѣхъ идей, которыя до тѣхъ поръ лежали въ основѣ государственнаго управленія. Мы можемъ припомнить, что Петръ лично не устранялся отъ Церкви, онъ любилъ даже участвовать въ богослуженіи чтеніемъ Апостола, или пѣніемъ на клиросѣ; онъ не отвергалъ и церковнаго устава; такъ онъ обращался къ Константинопольскому Патріарху за разрѣшеніемъ отъ поста войскъ во время Прутскаго похода, но несомнѣнно то, что онъ присвоилъ царской власти компетенцію, идущую далѣе сферы свѣтской, и далъ ей, вопреки природѣ вещей, власть надъ канонами, и даже въ эту

дѣятельность свою въ церковномъ управленіи влилъ содержаніе, которое диктовалось уже не православнымъ ученіемъ, а лютеранскимъ настроеніемъ. Послѣднее мы увидимъ въ особенности на Указахъ его о монашествѣ въ 1701 г., въ прибавленіи къ Духовному Регламенту 1722 г. и Указѣ о Званіи Монашескомъ 31 января 1724 г., а также и въ устройствѣ Св. Синода, замѣнившаго Патріарха.

Стефанъ Яворскій о направленіи Петровской церковной реформы.

Стефанъ Яворскій въ вышеозначенной проповѣди сказалъ о направленіи реформъ: „Сіяла Россія, мати наша, прежними времени благочестіемъ, свѣтла и аки столбъ непоколебимый въ вѣрѣ православной утверждена. Нынѣже что? Усумнѣваюся о твердости твоей, столпе непреклонный, егда ты вижду вѣтрами противными отовсюду обуреваема. **Вѣтъ на тя вѣтеръ иконоборный, иконы святыя презирающій;** вѣтъ на тя вѣтеръ чревоугодный, посты святыя разоряющій, а ты, столпе непреклонный, вѣтромъ тлетворнымъ опирающійся, уже колебаться начинаеши и в малѣ, яко столпъ Силуамскій паденіемъ своимъ насъ не погубляеши". Точно также въ проповѣди своей 12 марта 1713 г. въ день именинъ царевича Алексѣя Петровича, Стефанъ не только рѣзко высказался о введеніи свѣтскихъ фискаловъ въ духовные суды (это было вторженіе уже въ область чисто церковную), но и сдѣлалъ общіе выводы о положеніи Россіи, явно указывавшіе и на семейную жизнь Петра (оставленіе первой жены Евдокіи Лопухиной, насильно постриженной въ монастырь) и на нездоровый духъ его реформъ, и выражающіе надежду на его наслѣдника. „Того ради не удивляйтесь, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтесь, что по толикимъ смятеніямъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище неоцѣненное, но тѣи только симъ сокровищемъ богатыся, которые любятъ Господній законъ; а кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ. Гдѣ правда, тамъ и миръ. Море, свирѣпое море — человѣче законопреступный, почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берегъ есть законъ Божій, берегъ есть во еже не прелюбы сотвори, не вожделѣти жены ближняго, не оставити жены своя; берегъ есть воеже хранити благочестіе, посты, а наипаче четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы. Христось гласитъ въ Евангеліи: „Аще кто Церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь". И затѣмъ Стефанъ молится за Царевича Алексѣя Св. Алексѣю, человѣку Божьему: „О угодниче

Божій. Не забуди и тезоимениника твоего, а особенно заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой, онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился еси родителей, онъ такожде; ты лишенъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друзей, сродниковъ, знаемыхъ; ты человѣкъ Божій, онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, Святче Божій, покрый Тезоимениника нашу единую надежду, покрый его въ кровѣхъ крыль твоихъ... Дай намъ видѣти его вскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующаго и его же нынѣ тѣшимся воспоминаніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и преждевождедѣннымъ его присутвіемъ". Яворскій былъ глашатаемъ народныхъ мнѣній, косо смотрѣлъ на положеніе, занятое протестантами въ государствѣ, на легкое отношеніе къ обрядамъ и иногда и къ вопросамъ вѣроученія.

Отмѣна патріаршества.

Отношеніе Петра къ патріаршеству, выразившееся въ учрежденіи шутовскаго собора, насмѣшка его надъ старыми русскими обычаями, съ которыми связывалось у народа представленіе о благолѣпії и благочестіи — все было отголоскомъ иныхъ вѣрованій. Патріаршество было учрежденіе, выросшее въ Церкви, созданное Церковью и у насъ учреждено грамотой Вселенскихъ Патріарховъ и Собора Константинопольскаго 1593 года и, какъ учрежденіе церковное, могло быть отмѣнено также только равной церковной властью, т. е. Соборомъ, канонически созваннымъ и свободно разсмотрѣвшимъ этотъ вопросъ. Ничего этого не было. Оно было отмѣнено созданіемъ на его мѣстѣ синода инициативой власти царской; хотя на Духовномъ Регламентѣ имѣются надписи почти всѣхъ русскихъ Архіереевъ, но они даны ими не на канонически созванномъ Соборѣ, свободно разсмотрѣвшемъ дѣло, а каждымъ Архіереемъ въ отдѣльности, получившимъ этотъ указъ при сопровожденіи его царскими посланцами съ угрозами. Это не былъ голосъ Русской Церкви, свободно высказанный и, въ качествѣ такового не могъ быть переданъ Царемъ на утвержденіе Вселенскихъ Патріарховъ въ сентябрѣ 1721 г. тогда, когда Синодъ функционировалъ уже полгода. Самая матеріальная зависимость Восточныхъ Патріарховъ отъ Царя и ихъ угодничество передъ нимъ дѣлали все равно невозможнымъ ихъ оппозицію дѣлу, которое при подписяхъ Архіереевъ, не носило на себѣ внѣшнихъ, слишкомъ бьющихъ въ глаза признаковъ неканоничности, которые бы побудили

Патріарховъ вспомнить объ ихъ обязанностяхъ. Дѣло Никона и послѣдующее возстановленіе на каѳедрахъ судившихъ его Патріарховъ, и даже кратковременная реабилитація Лигарида показываютъ, что патріаршія постановленія не могли имѣть того нравственнаго авторитета, на который они по сану ихъ авторовъ должны рассчитывать. Синодъ не былъ учрежденіемъ, соотвѣтствующимъ канонамъ. Синодъ состоялъ не изъ однихъ Епископовъ, какъ подобало бы высшему церковному органу по преданію апостольскому, а и изъ архимандритовъ и даже лицъ бѣлаго духовенства; мало того, его члены носили названія, подобающія лицамъ гражданскаго вѣдомства: президентъ, вице-президентъ, ассессоры и пр. Они приносили присягу Государю, какъ своему крайнему судѣ — все какъ въ протестантскихъ странахъ.

Вліяніе философіи естественнаго права.

Ученіе о безграничности власти монарха проповѣдовала и школа естественнаго права въ лицѣ Гоббса. Такъ ясно его вліяніе на Петра, какъ въ его стремленіи доказать, что онъ въ правѣ выбрать себѣ въ наслѣдники престола кого угодно, такъ и въ присвоеніи имъ себѣ права реформировать церковное устройство, въ силу признанія принципа единства власти съ отрицаніемъ особой природы власти церковной. Вотъ два отрывка изъ „Левіаѳана" приводимыхъ у Woolsey.

Hobbs prefers a monarchy in which the power of the ruler is not circumscribed; and so to the succession he says: „Perfecta civitatis forma esse non potest, ubi successorem eligendi jus non sit in antecessore" (Woolsey: Political science of the state, 1. 160.¹). Понятіе его о природѣ духовной власти видно изъ другого отрывка изъ того же „Левіаѳана: „If a person seeing a pastor preaching or baptizing should ask him, as the priests and elders asked Christ (Mathew 21, 23) by what authority doest thou these things and who gave thee this authority? He could return no other answer than that. He acted by the authority of the state drawn from him who represents it or sustains its character (ib. 161) т. е. отъ свѣтской власти, ибо „He who is chief ruler in any Christian state is also chief pastor, and the rest of the pastors are created by his authority"².

¹ Гоббсъ предпочитаетъ монархію, въ которой власть правителя неограничена; въ отношеніи къ престолонаслѣдію онъ говоритъ: не можетъ быть совершенная форма государства, гдѣ правитель не имѣетъ права избрать себѣ преемника.

² Если кто-либо, видя пастыря проповѣдующимъ или крестящимъ, спроситъ его, какой властью онъ это дѣлаетъ, подобно тому, какъ спрашивали Христа священники и старѣйшины, и кто далъ Ему эту власть, тотъ не можетъ отвѣтить иначе, какъ то, что онъ дѣйствуетъ по государственному уполномочію, полученному отъ

Самая идея договора объ учрежденіи власти послужила Гоббсу для объясненія абсолютной власти монарха, какъ говорить объ этомъ Pollock (History of the science of politics стр. 74: „The plastic fiction of the original contract had been used by Hobbes to generate the absolute power of Leviathan”¹. Эта теорія самовластія во имя общей пользы была перенесена въ „Правду воли монаршей”² и съ нею въ Полное Собрание Законовъ Имперіи. Пониманіе власти Русскаго Царя въ такомъ неограниченномъ смыслѣ было чуждо Московскому періоду, ибо самодержавіе Царя считало себя ограниченнымъ, и безграничнымъ почиталось условно въ предѣлахъ той ограниченности, которая вытекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ вѣры и Церкви. Въ основѣ самой царской власти лежитъ не договоръ, а вѣра; православный Царь неотдѣлимъ отъ православнаго народа и есть выразитель его духа. Въ этомъ отношеніи идея Имперіи не вызываетъ идеи такого духовнаго сліянія Царя съ народомъ. Д. Х. пишетъ въ своей брошюрѣ, что „западъ боится русскаго Царя, а не Императора, русскаго народа, а не русской имперіи; онъ очень хотѣлъ бы, чтобы Русское царство переродилось въ имперію и, чтобы получилось новѣйшаго пошиба Имперія Римская, которая, какъ великая имперія, есть не органическое нѣчто, а конгломератъ народностей и мимо идетъ яко день вчерашній”. Съ идеей имперіи потускнѣло понятіе о самодержавіи, которое стало разсматриваться какъ абсолютизмъ; потускнѣлъ и объемъ понятія Православія, которое стало разсматриваться только какъ традиціонное вѣрованіе. Это было революціей идей, и мы въ извѣстномъ смыслѣ можемъ противопоставить Никонской вѣрности традиціонному пониманію основъ царской власти Петровско-Гоббсовское, какъ революціонный принципъ. Къ этому противопоставленію какъ нельзя лучше подходятъ слова DeMun'a:

того, кто представляетъ государство, то есть отъ свѣтской власти. Такимъ образомъ главный правитель въ христіанскомъ государствѣ есть архипастырь, а остальные пастыри создаются по его полномочію.

¹ Пластическая фикція первоначальнаго договора, повидимому, употреблялась Гоббсомъ для того, чтобы создать абсолютную власть Левіаѳана.

² Для обоснованія произвола Государя передавать свой престоль кому угодно Теофанъ писалъ: „Ex his omnibus t. e. ex legibus sacris aequae ac civilibus Romanorum, подъ которымъ разумѣется lex regia передавшій всю власть отъ народа, Императору breviter his repititis argumentis colligit auctor liberam Russorum imperatori esse potestatem in eligendo successore herede sive et filii nepotibusque, sive ex cognatibus, sive alia stirpe”. (Приведено Чистовичемъ въ сочиненіи „Теофанъ Прокоповичъ и его время” стр. 120 изъ Лейпцигскихъ ученыхъ актовъ за 1723 г.). „Этотъ актъ, пишетъ Чистовичъ, не только не обезпечилъ спокойствія въ государствѣ, напротивъ, былъ причиной тѣхъ страшныхъ неурядицъ въ престолонаслѣдіи, а вмѣсто съ тѣмъ и въ правленіи государства, которыя волновали наше отечество въ продолженіе почти всего XVIII столѣтія, отвлекая его отъ полезныхъ преобразованій и строенія своей внутренней жизни. На этотъ актъ ссылались всякій разъ, когда надо было оправдать произволь въ перемѣнѣ правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „Правда воли Монаршей” была издаваема нѣсколько разъ”. Она помѣщена въ т. VI за № 3893, но лично намъ не удалось найти Полнаго Собранія Законовъ.

„La Revolution n'est ni un acte ni un fait, elle est une doctrine politique, qui prétend fonder la société sur la volonté de l'homme au lieu de la fonder sur la volonté de Dieu, qui met la souveraineté de la raison humaine à la place de la loi divine. C'est là que'est la révolution, le reste n'est rien, ou plutôt tout le reste découle de là, de cette révolte orgueilleuse d'où est sorti l'Etat moderne. L'Etat qui a pris la place de tout, l'Etat qui est devenu votre Dieu et que nous nous refusons à adorer avec vous. La contre révolution, c'est le principe contraire: c'est la doctrine qui fait reposer la société sur la loi chrétienne"¹.

Если законодатель опирается уже не на религиозное предание, а на народную волю, то законъ съ тѣхъ поръ имѣетъ своимъ кореннымъ началомъ людской интересъ, а основаниемъ согласіе большинства, преобладающее сочувствіе массы. Отсюда **Фюрстель де Куланжъ** (Гражданская Община древняго міра 413 стр.) выводитъ чрезвычайно важное заключеніе относительно одного момента Римской Исторіи, именно онъ пишетъ: „Законъ предстоить уже не въ видѣ нерушимой и неоспоримой формулы. Ставъ дѣломъ человѣческимъ, онъ признаетъ себя подлежащимъ перемѣнѣ. XII таблицъ прямо говорятъ: „Чѣмъ народъ порѣшилъ на голосованіи въ послѣдній разъ, то и будетъ закономъ". „Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ текстовъ древняго Уложенія ни одинъ такъ не важенъ, какъ этотъ, ни одинъ такъ не выражаетъ, какого рода переворотъ совершился въ правѣ. Законъ ужъ не святое преданіе, не завѣтный обычай, онъ просто текстъ, приговоръ, lex и такъ какъ онъ постановленъ человѣческой волей, то можетъ быть и измѣненъ ею". Mutatis mutandis мы тоже можемъ сказать о законодательствѣ Петра. Обосновавъ неограниченность своей власти по Гоббсовской теоріи въ „Правдѣ воли монаршей" и устранивъ рамки, поставленныя этой власти Церковью, онъ измѣнилъ основу власти, поставивъ ее на человѣческую основу договора и тѣмъ подвергъ ее всѣмъ тѣмъ колебаніямъ, которымъ можетъ подвергаться всякое человѣческое установленіе; согласно Гоббсу онъ произвольно присвоилъ церковную власть себѣ; черезъ расцерковленіе же института царской власти послѣдняя теряла свою незыблемость, неприкосновенность свойственную церковному установленію. Только при

¹ Революція не есть ни актъ, ни фактъ, она есть политическая доктрина, претендующая основать общество на волѣ человѣка вмѣсто того, чтобы основать его на волѣ Божіей, которая ставитъ суверенитетъ человѣческаго разума на мѣсто Божественнаго закона. Вотъ гдѣ революція, остальное вытекаетъ изъ этого, изъ этого гордаго возстанія, изъ котораго вышло современное государство, государство захватившее мѣсто всего, государство, сдѣлавшееся вашимъ Богомъ, которое мы отказываемся обожать съ вами вмѣстѣ. Контрреволюція — противоположный принципъ. Это — доктрина, основывающая общество на христіанскомъ законѣ.

наличіи этого расцерковленія можно объяснить возможность требованія отреченія Царя отъ престола безъ участія Церкви въ 1917 г. Начало этому идейному подрыву царской власти было положено черезъ обоснованіе неограниченности царской власти въ „Правдѣ воли монаршей“, гдѣ она основана по Гоббсу, который утверждалъ ее не на Божественномъ призваніи, а на народномъ суверенитетѣ въ послѣднемъ своемъ основаніи. Только при абсолютированіи своей власти Петръ могъ допустить революціонный разрывъ съ освященной Церковью идеей симфоніи властей и такое вмѣшательство въ жизнь Церкви, какъ ея коренное переустройство, въ видахъ якобы государственной пользы съ его отказомъ Церкви въ признаніи ея самостоятельности. Нельзя не отмѣтить и того соціально-общественнаго значенія потрясенія, которое вызывается ниспроверженіемъ древнихъ установленій, съ которыми связывается идея неприкосновенности. Объ опасности примѣненіи идеи всемогущества государства, въ качествѣ зачатка революціонныхъ идей, разрушающихъ общество, говоритъ многократно Токвиль, въ 50-хъ годахъ XIX вѣка въ своемъ сочиненіи *L'ancien régime et la révolution*.

Ее онъ видѣлъ у фізіократовъ половины XVIII вѣка. На стр. 239 мы читаемъ:

„L'état, suivant les économistes, n'a pas uniquement a commander la nation, mais a la façonner d'une certaine manière: c'est à lui de former l'esprit des citoyens suivant un certain modèle, qu'il s'est proposé à l'avance;... en réalité il n'y a pas de limites à ses droits ni de bornes à ce qu'il peut faire; il ne réforme pas seulement les hommes, il les transforme. L'état fait des hommes tout ce qu'il veut, dit Bodeau. Ce mot résume toutes leurs théories"¹.

Къ нимъ онъ возводитъ начало разрушительныхъ соціалистическихъ теорій (стр. 241).

„On croit que les théories destructives qui sont **désignées de nos jours sous le nom de socialisme, sont d'origine récente; c'est une erreur**; ces theories sont contemporaines des premiers économistes. Tandis que ceux-ci employaient le gouvernement tout-puissant qu'ils revaient à

¹ Государство, по мнѣнію экономистовъ, не только повелѣваетъ націей но нѣкоторымъ образомъ ее формируетъ; оно образуетъ по извѣстному образу, заранѣ имъ себѣ составленному, духъ гражданъ... Въ дѣйствительности нѣтъ границъ его правамъ ни предѣловъ его возможностямъ; оно не только реформируетъ людей, но и передѣлываетъ. Государство, говоритъ Бодо, дѣлаетъ изъ людей что хочетъ. Это слово резюмируетъ всѣ ихъ теоріи.

changer les formes de la société, les autres s'emparaient en imagination du même pouvoir pour en ruiner les bases"¹.

Объ опасности колебать древнія установленія, даже когда реформы имѣють въ виду общее благо, Токвиль говоритъ въ связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на народъ паденіемъ при Людовикѣ XV парламентовъ, по своему происхожденію современниковъ королевской власти, и вообще въ связи съ реформами, недостаточно уважающими древніе нравы и привычки:

„Parmi les réformes (p. 279) qu'il (Louis XV) avait faites lui meme, quelques-unes changèrent brusquement et sans préparations suffisantes les habitudes anciennes et respectées et violèrent parfois les droits acquis. Elles préparèrent ainsi la révolution bien moins encore en'abattant ce qui lui faisait obstacle qu'en **montrant au peuple comment on pouvait s'y prendre pour la faire**. Ce qui accrut le mal fut précisément l'intention pure et désintéressée qui faisait agir le roi et ses ministres; **car il n'y a pas de plus dangereux exemple que celui de la violence exercée pour le bien et par les gens de bien**"²

Все Петровское церковное законодательство есть разрушеніе основъ и церковной и царской власти, связанной не только догматами вѣры, но и вселенскими канонами Церкви. Такимъ образомъ примѣръ нарушенія границъ должнаго и допустимаго для государства данъ и въ Россіи впервые не въ XX столѣтіи, а въ XVII и особенно въ началѣ XVIII-го и также не снизу, а сверху, опередивъ Францію во времени. Никонъ въ этомъ отношеніи былъ хранителемъ устоевъ государства и въ покушеніи на эти устои (принципъ православнаго Царя, неприкосновенность церковнаго имущества, собственности, и почитаніе первосвященника...), провидѣлъ разрушеніе царства, выражая свои мысли библейскими примѣрами.

Ту же до извѣстной степени мысль о значеніи сохраненія религиозныхъ традицій для прочности политическаго зданія выражаетъ современнымъ научнымъ языкомъ такой государствовѣдъ, какъ Брайсъ: (Les démocraties modernes, I, 168), когда онъ припоминаетъ

¹ Думаютъ, что разрушительныя теоріи, обозначенныя въ наши дни именемъ социализма, недавняго происхожденія; это — ошибка; эти теоріи современны первымъ экономистамъ. Между тѣмъ, какъ послѣдніе употребляли всемогущее правительство, которое, мечтали они, измѣнить формы общества, другіе въ воображеніи захватывали ту же власть, чтобы разрушить ея основы.

² Среди реформъ, которыя провелъ самъ Людовикъ XV, нѣкоторыя измѣняли неожиданно и безъ достаточныхъ приготовленій древніе и почтенные обычаи и иногда нарушали приобрѣтенныя права. Онъ такимъ образомъ готовилъ революцію, гораздо менѣе поражая то, что ей составляло препятствіе, чѣмъ показывая народу, какъ надо браться за дѣло, чтобы ее совершить. То, что увеличивало зло, было именно чистое и безкорыстное намѣреніе, побуждавшее короля и его министровъ, ибо нѣтъ болѣе опаснаго примѣра, какъ примѣръ насилія, осуществленнаго ради блага и притомъ хорошими людьми".

время Софистовъ въ древней Греціи. „Rappelons à ce propos l'exemple familial des Républiques grecques du temps de Socrate, alors que quelques sophistes renommés, pulvérisant la naïve et antique croyance qui confiait aux dieux le soin de punir le parjure et le trompeur, enseignaient que la justice n'est autre chose que la loi du plus fort. Là, les traditions attaquées étaient d'abord religieuses et morales, **mais dans un système de vieilles croyances et de coutumes ancestrales tout se tient et lorsque la partie religieuse est sapée, bien d'autres éléments de l'édifice en sont ébranlés**¹.

Принципіальное покушеніе на церковную собственность со стороны государства.

Замѣна Патріарха Синодомъ 1721 г. была однимъ изъ послѣднихъ звеньевъ Церковной Реформы Петра. Еще до этого обезглавленія Церковь была обезсилена за время послѣ смерти Патріарха Адріана, послѣдовавшей въ 1700 году. Это обезсиленіе коснулось прежде всего управленія церковными имуществами и отнятія у Церкви не только суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства, но и управленія церковными дѣлами черезъ возсозданіе въ 1700 г. Монастырскаго Приказа. Первое лишало Церковь средствъ, второе ставило духовенство въ большую зависимость отъ свѣтскихъ властей. Лишеніе Церкви возможности управлять своимъ имуществомъ, отданіе этого управленія подъ контроль государственной власти какъ со стороны прихода, такъ и расхода суммъ, подвергало неопредѣленности вопросъ о томъ, кто же собственникъ этихъ имуществъ: Церковь или государство. Въ концѣ концовъ при Екатеринѣ II государство сочло себя въ правѣ посмотрѣть на церковную собственность, какъ на способъ вознагражденія Церкви государствомъ, способъ, который по усмотрѣнію государства могъ быть замѣненъ и другимъ. Такъ въ 1764 г. были отняты церковныя имущества, и церковныя учрежденія взамѣнъ получили денежныя вознагражденія по штату а позднѣйшее паденіе цѣнности этого вознагражденія привело Церковь къ полной матеріальной зависимости отъ государства. (Одновременно Екатерина II изъ 881 существо-

¹ Напомнимъ по этому случаю извѣстный примѣръ греческихъ республикъ времени Сократа, когда нѣкоторые извѣстные софисты, уничтожая наивное и активное вѣрованіе, ввѣрившее богамъ заботу наказывать клятвopеступника и лжеца, учили, что справедливость ничто иное, какъ законъ сильнѣйшаго. Тамъ традиціи, подвергшіяся нападенію, были сначала религіозныя и моральныя, но въ системѣ старыхъ вѣрованій и обычаевъ предковъ все связано, и, когда религіозная часть подорвана, то отъ этого колеблется и много другихъ элементовъ зданія".

вавшихъ монастырей закрыла 496, оставивъ существовать только 385).

Значеніе отстаиванія Никономъ управленія Церковью своей собственностью и вообще ея неприкосновенности.

При этомъ можно оцѣнить значеніе отстаиванія Никономъ не только права собственности за Церковью, но и права управленія ей. Не теряй Церковь послѣдняго, она, можетъ, не потеряла бы и перваго, ибо сознаніе неприкосновенности управленія имуществами содѣйствовало бы и сознанію неприкосновенности самой собственности. Реформа 1701 г. пробила брешь. Монастырскій Приказъ — учрежденіе чисто государственное, получило въ свое вѣдѣніе церковныя вотчины и доходы съ нихъ. Государство не остановилось передъ церковной собственностью, въ своей политикѣ стягиванія поземельныхъ владѣній въ свою собственность, на правахъ безусловнаго распоряженія ею, начатаго еще много ранѣе. Помѣщичьи земли признавали надъ собой полную власть государства; государство въ концѣ XVII вѣка въ земляхъ дворцовыхъ и въ черныхъ волостяхъ дѣйствовало на правахъ собственника, но земли и крестьяне церковныхъ учрежденій не были уравнены съ дворцовыми и помѣщичьими во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ государству. Обращеніе черныхъ волостей въ дворцовыя имѣнія совершилось въ Приказѣ Большого Дворца; тамъ же было сосредоточено государствомъ вѣдѣніе монастырскими и вообще церковными землями, а потомъ въ Монастырскомъ Приказѣ, по закрытіи коего въ 1677 г. оно возвратилось въ Приказъ Большого Дворца. Церковныя земли ждали уравнианія въ судьбѣ съ черными волостями. Брешь въ неприкосновенности церковной собственности нанесло Уложеніе, отнявшее слободы и городскіе посады у церковныхъ властей, по челобитной посадскихъ людей. Часть лицъ и владѣній, составлявшихъ принадлежность духовенства, передана была въ собственность государства; такъ мысль о правѣ государства обращать въ свою собственность земли церковныхъ учрежденій получила тогда первое осуществленіе, а при Петрѣ получила полный расцвѣтъ въ отобраніи всего управленія церковными имуществами въ пользу государства. Его мысль была заставить все служить государству, и въ этомъ случаѣ онъ давалъ широчайшее примѣненіе тому, что раньше предпринималось въ видѣ частныхъ мѣръ.

И раньше, при Алексѣѣ Михайловичѣ, во время войнъ государство обращалось къ богатѣйшимъ монастырямъ, и церковныя

учрежденія считали обязанными себя служить отечеству какъ могли. И при Алексѣѣ Михайловичѣ государство считало на дѣлѣ возможнымъ въ минуту невзгоды обращаться къ церковнымъ имуществамъ. Во второй половинѣ XVII вѣка эта мысль создала предположеніе, что государство имѣетъ право контроля надъ церковными доходами, а черезъ то и надъ церковнымъ имуществомъ. Вѣдь, пагубное вліяніе богатствъ на иноческую жизнь было признано и Соборомъ 1667 г., который и запретилъ монахамъ лично владѣть недвижимымъ имуществомъ; Соборъ 1669 г. постановилъ отбирать на Царя торговые промыслы и лавки, принадлежащіе священному и монашескому чину, опять въ виду вреднаго вліянія на иноческую жизнь. Это были мѣры, касавшіяся отдѣльныхъ видовъ собственности частныхъ лицъ, а не цѣлыхъ учреждений. Петръ-же думалъ уже о переводѣ всѣхъ церковныхъ имѣній въ собственность государства. Еще въ 1678 г. государство начало перепись всѣмъ церковнымъ богатствамъ, которая продолжалась до 90-хъ годовъ и должна была служить для государственныхъ окладовъ и сборовъ. По ней государство могло контролировать доходы и расходы церковныхъ учреждений. Петръ усвоилъ хорошо мысль о контролѣ государства надъ церковными доходами, какъ право государства, и въ Указахъ своихъ говорилъ, что государство имѣетъ право распоряжаться избыткомъ церковныхъ богатствъ, остающихся за издержками церковныхъ учреждений на необходимые расходы. Его Указъ 1696 г. разосланный черезъ епархіальныхъ Архіереевъ по всѣмъ монастырямъ, приказывалъ монастырямъ и архіерейскимъ домамъ давать ежегодно отчетность въ расходѣ церковныхъ суммъ Приказу Большого Дворца. Провинціальныя власти по порученію этого Приказа имѣли надзоръ за выполненіемъ Приказа. Петръ считалъ правомъ государства использовать для его пользы избытки церковныхъ доходовъ. Для государственной пользы онъ счелъ себя въ правѣ подчинить государству управленіе церковными имуществами и отобрать ихъ изъ вѣдѣнія Церкви — собственника.

Если прежнія поползновенія Государей на церковныя имущества сдерживались религіозными соображеніями, то теперь этой сдержки не стало. Законодательство взглянуло на эти имущества съ государственно-утилитарной точки зрѣнія. Хозяйственные интересы государства требовали, чтобы всѣ жертвовали своимъ трудомъ и матеріальными средствами для его цѣлей. И вотчинныя права и привилегіи духовенства должны были быть принесены ему въ жертву. Государство и при Алексѣѣ Михайловичѣ стремилось уничто-

жить привилегіи церковныхъ учреждений. Въ 1672 г. были уничтожены тарханная грамоты, освобождавшія отъ сборовъ въ казну съ промысловъ и торговли монастырей и властей, но были исключенія для нѣкоторыхъ монастырей. Продолжались и подтвержденія прежнихъ жалованныхъ грамотъ. Однимъ словомъ привилегіи властей и до Петра терпѣли умаленія; объемъ привилегій суживался, жалованная грамоты писались съ оговорками, что статьи, несогласныя съ Уложеніемъ, недѣйствительны. Съ одной стороны правительство стояло на точкѣ зрѣнія Уложенія (подтверждавшаго всѣ прежнія постановленія о монастырскихъ имѣніяхъ и запрещавшаго пріобрѣтать новыя, и даже отнесшаго нѣкоторую часть церковныхъ имѣній въ казну), но до единодержавія Петра продолжались послабленія изъ уваженія къ Церкви и къ ея правамъ собственности. Правительство лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ ограничивало вотчинныя права Церкви, когда требовались тяжкія жертвы отъ всѣхъ сословій. Въ началѣ XVII вѣка оно проводило эти мѣры какъ временныя, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ „пока земля поустроится“. Лишь со времени Уложенія мѣра эта начинаетъ принимать постоянный характеръ. Но съ единодержавіемъ Петра наступила новая эпоха. Государственный интересъ получилъ полный перевѣсъ надъ религіознымъ; духовное служеніе не цѣнилось, требовалась отъ всѣхъ служба матеріальная. Петръ приступилъ къ отмѣнѣ всѣхъ привилегій духовенства. Не была еще закончена до него отмѣна тархановъ. По Уложенію нѣкоторые монастыри освобождались отъ печатныхъ пошлинъ, иные имѣли право курить вино. Эти привилегіи отмѣнены въ началѣ царствованія Петра. На разныя доходныя статьи монастырей правительство наложило руку и объявило ихъ собственностью казны. Въ 1704 году, какъ казенныя оборотныя статьи, были обложены оброкомъ всѣ пчельники и бортные урожаи, отобраны рыбныя ловли. Вывариваніе и продажа соли сдѣлались монополіей казны. Всѣ эти указы отмѣняли жалованная грамоты и распространялись на всѣ церковныя вотчины. При введеніи подушнаго оклада Петръ сравнивалъ церковныхъ крестьянъ съ прочими; они приравнены были къ другимъ и въ привлеченіи къ общимъ работамъ по государственнымъ сооружеціямъ. Это было уничтоженіемъ прежнихъ привилегій жалованныхъ грамотъ. Въ 1701 г. окончательно воспрещена и покупка вотчинъ, и мѣна ихъ для всѣхъ монастырей и архіереевъ. При Петрѣ произошла частичная секуляризація церковныхъ вотчинъ и отписка ихъ въ казну. Съ объявленіемъ оброчными статьями значительныя

угодія, соляныя варниці, мельниці, рыбныя ловли отошли въ казну. Во время управленія Монастырскаго Приказа многія вотчины были отданы въ вѣчное владѣніе частнымъ лицамъ.

Отсутствіе юридическихъ основаній для отнятія у Церкви собственности.

Петровскія реформы о церковной собственности были въ полномъ забвеніи каноновъ, на которые указывалъ Никонъ, отстаивая неприкосновенность и церковнаго управленія и церковной собственности. Ссылка на плохое управленіе Церковью своими имуществами не есть юридическое основаніе для отобранія у нея этого управленія, ибо собственникъ ихъ — она, а не государство. И само государство теряло въ концѣ концовъ отъ пониженія матеріальной силы Церкви, ибо Церковь, лишенная средствъ, лишена была возможности нести и тѣ задачи, которыя были ей всегда присущи по народному образованію, по благотворительности, по просвѣщенію общества. Церковное управленіе своими имуществами могло со временемъ улучшиться, а паденіе значенія Церкви въ результатѣ ея ограбленія оказалось невозстановимымъ въ теченіе всего императорскаго періода. Въ нашу задачу не входитъ описаніе той неудачи, которая постигла въ дѣйствительности эту мѣру перевода церковныхъ имуществъ въ вѣдѣніе государства. Она изслѣдована въ сочиненіи Горчакова „Монастырскій Приказъ“. Достаточно сказать, что вскорѣже послѣ этой мѣры крестьяне просятъ ихъ о возвратѣ въ церковныя учрежденія. Въ 1702 году начинается возвратъ изъ вѣдѣнія чиновниковъ Монастырскаго Приказа монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ прежнимъ владѣльцамъ. Съ 1711 г. этотъ возвратъ уже обычное явленіе, многіе монастыри получили ихъ обратно въ свое вѣдѣніе, такъ что Монастырскій Приказъ по отношенію къ нимъ превращался изъ административнаго учрежденія лишь въ Центральное финансовое учрежденіе. Когда открылись коллегіи, онъ потерялъ и это значеніе. 16 октября 1720 г. закрытъ Монастырскій Приказъ, и вотчины, раззоренныя чиновничьимъ управленіемъ, кромѣ розданныхъ и проданныхъ, вернулись въ церковныя учрежденія. Съ открытіемъ Синода указомъ Царя ему были переданы въ вѣдѣніе всѣ патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, но Синодъ, по неудобству самому вѣдать это управленіе, испросилъ возстановленіе Монастырскаго Приказа (1721 г.) въ качествѣ подчиненнаго ему учрежденія. Его четырехлѣтнее существованіе (послѣ котораго онъ былъ переименованъ въ другое учрежденіе) установило управленіе церковными

вотчинами почти на 50 лѣтъ и удержало ихъ въ вѣдѣніи подчиненнаго въ концѣ концовъ правительству Синода.

Монастырскій Приказъ при Петрѣ 1701-1720 — орудіе государства для подчиненія всѣхъ церковныхъ дѣлъ государству.

Монастырскій Приказъ 1701-1720 г. при Петрѣ былъ орудіемъ государства для управленія церковными дѣлами; онъ былъ орудіемъ его преобразовательныхъ цѣлей относительно монастырей и относительно подчиненія духовенства государству. Подчиненіе государству судебно-гражданскихъ правъ церковныхъ учреждений во время Уложенія было ступенью къ дальнѣйшему ограниченію другихъ гражданскихъ правъ духовенства. Если главное вниманіе возстановленнаго Петромъ въ 1700 г. Монастырскаго Приказа сосредоточилось вокругъ вопроса о вотчинныхъ правахъ церковныхъ учреждений, которыми онъ распоряжался, какъ собственникъ, представляя собой государство, то все-же нельзя оставить безъ вниманія и почти полностью возстановленныя его судебныя права, существовавшія по Уложенію. Въ Указѣ о возстановленіи Монастырскаго Приказа почти буквально словами Уложенія опредѣленъ судебный кругъ, въ которомъ должна вращаться дѣятельность Монастырскаго Приказа. Ему были подсудны въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ всѣ вообще лица его вѣдомства, въ частности лица духовныя безъ исключенія, всѣ служилые люди въ Приказахъ, ему подчиненныхъ, при архіерейскихъ каѳедрахъ и монастыряхъ, всѣ крестьяне его вѣдомства, нищіе, богадѣльни, содержащіяся на счетъ Приказа. Съ этого времени отъ вѣдомства Церкви окончательно были взяты люди по своему несчастному положенію въ жизни, бывшіе подвѣдомственными Церкви со временъ князя Владиміра (Неволинъ т. VI). Приказъ, какъ во времена Уложенія, долженъ былъ вѣдать всѣ иски постороннихъ людей на духовенство и людей, подвѣдомственныхъ приказамъ, а послѣдніе на постороннихъ въ мѣстахъ подсудности отвѣтчиковъ. Въ Уложеніи было исключеніе для патріаршей области, теперь-же такое исключеніе, хотя и могло быть по смыслу закона, но независимая подсудность патріаршей области устранялась другимъ путемъ: вѣдавшіе ее Приказы патріаршій дворцовый и казенный были подчинены тому-же Монастырскому Приказу. Монастырскій Приказъ сталъ высшей и послѣдней инстанціей, пишетъ Горчаковъ, въ предѣлахъ своего вѣдомства; среднюю составляли стольники и вѣдомцы, завѣдывавшіе цѣлыми областями и уѣздами въ провинціяхъ, низшую — вотчинные

вѣдомцы и прикащики. Въ уголовно-судебной дѣятельности Приказа мало считались съ духовнымъ саномъ, и обвиняемые тамъ сажались на цѣпь. Наказаніе налагалось по Уложенію; если-же надо было лишить сана, то виновный подъ арестомъ отправлялся въ Патриаршій Духовный Приказъ, гдѣ иногда безъ всякаго допроса обнажали священства или монашества и отсылали обратно въ Приказъ.

Но судебная дѣятельность Монастырскаго приказа при Петрѣ не выдѣлялась такъ, какъ она выдѣлялась при Алексѣѣ Михайловичѣ, ибо она затѣнялась обширнѣйшей правительственной дѣятельностью Монастырскаго Приказа въ церковныхъ дѣлахъ. Монастырскій Приказъ вѣдалъ и дисциплинарный судъ надъ духовенствомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (при неисполненіи требованій Приказа напр. монастырскими властями за неподачу отчетности, надъ приходскими священниками за недоставленіе свѣдѣній, причемъ угрозы Приказа доходили дальше дисциплинарныхъ мѣръ, упоминая о ссылкѣ, лишеніи сана). Монастырскій Приказъ былъ орудіемъ Царя для распоряженій по чисто церковнымъ дѣламъ: черезъ него Царь призывалъ архіереевъ въ свою чреду въ Синодъ, черезъ него давалъ разрѣшеніе на принятіе въ монастырь и на постриженіе; его посредство между Царемъ и всѣми церковными учрежденіями продолжалось до учрежденія Синода. Въ его рукахъ объединилась вся государственная дѣятельность Петра по церковному управленію. Дѣло шло о прямомъ вторженіи въ церковное управленіе, а не только объ отобраніи у Церкви тѣхъ правъ, которыя могли-бы считаться делегацией ей со стороны государства. Былъ отторгнутъ отъ Церкви судъ по дѣламъ всѣхъ людей, приписанныхъ къ церковнымъ людямъ по особому отношенію ихъ къ Церкви. „Хотя со временъ Іоанна IV памятники о нихъ не упоминаютъ, однако, говоритъ Неволинъ (т. VI), пространство церковнаго суда въ этомъ отношеніи сохранено со временъ Св. Владиміра до Петра I”.

Монастырскій Приказъ вмѣшивается въ регулированіе внутренней жизни монастырей.

Насколько далеко шло это вторженіе, отъ котораго такъ оберегалъ въ свое время Никонъ, показываетъ дѣятельность Монастырскаго Приказа. Въ Петровскій періодъ своего существованія Монастырскій Приказъ вмѣшивается во внутренній укладъ монастырской жизни: черезъ него идутъ всѣ мѣропріятія Петра по монастырскимъ дѣламъ. Въ 1701 году Монастырскій Приказъ дѣлаетъ переписи монаховъ, запрещаетъ переходъ ихъ изъ одного монастыря въ

другой и постепенно приготавливает штаты каждого монастыря, новые пострижения не допускаются безъ разрѣшенія Государя. Въмѣсто убылыхъ монаховъ Монастырскій Приказъ посылалъ въ монастыри больныхъ и нищихъ, даже сумасшедшихъ и каторжныхъ, неспособныхъ къ работѣ. Послѣ 1715 года въ монастыри поселялись отставные воины. Потомъ изданъ былъ законъ, по которому на обязанность монастырей возлагалось содержаніе увѣчныхъ и больныхъ воиновъ. Число монаховъ должно было быть таково, чтобы оставались средства для благотворительныхъ цѣлей. Петръ вообще хотѣлъ дать такое направленіе русской монастырской жизни, при которомъ бы монастыри служили указываемымъ имъ Петромъ благотворительнымъ и нравственнымъ цѣлямъ. Отнятіе вотчинъ было якобы средствомъ къ возстановленію иноческой жизни въ монастыряхъ. Монахи, по мысли Петра, должны были пропитывать себя своимъ трудомъ, содержать убогихъ и нищихъ и ходить за больными. Но они не должны были быть центрами просвѣщенія. Монастырскій Приказъ долженъ былъ не только наблюдать, чтобы монахи безъ воли настоятелей не скитались по Москвѣ, но чтобы и въ кельяхъ не держали бумаги, чернилъ, перьевъ и, если что надо писать, писали-бы въ трапезной въ присутствіи настоятеля. Приказъ имѣлъ судебную и дисциплинарную власть надъ монахами. Но время показало Петру, что безъ содѣйствія Церкви нельзя устраивать жизнь монастырей, и что мысль возлагать на Церковь или монастыри содержаніе людей, служившихъ государству, и потерявшихъ на этой службѣ всѣ силы, надо оставить. Въ 1716 г. наблюденіе надъ монастырской жизнью ввѣряется архіереямъ, которые при посвященіи своемъ даютъ клятву содержать монаховъ по уставамъ и правиламъ. Монастырскій Приказъ вѣдалъ выдачею денегъ на содержаніе архіереевъ, мѣстоблюстителя и Духовнаго Приказа. Въ 1701 году безъ разрѣшенія Государя запрещено строить монастыри, а еще въ 1796 г. было запрещено и монастырямъ употреблять деньги на строенія безъ царскаго разрѣшенія и приказано ежегодно расходныя книги присылать въ Приказъ Большого Дворца. Позже Монастырскій Приказъ вѣдалъ и всю строительную отчетность монастырей и выдавалъ средства на поддержаніе наличныхъ зданій. Черезъ Монастырскій Приказъ предписывалось приходскимъ Церквамъ устраивать дома для новорожденныхъ. Монастырскій Приказъ долженъ былъ побуждать епархіальныя власти заводить школы, на которыя Приказъ долженъ былъ давать деньги изъ вотчинныхъ доходовъ. Онъ же долженъ былъ слѣдить, чтобы

дѣти духовенства поступали въ греческія и латинскія школы, и чтобы неучившихся въ этихъ школахъ не посвящали въ клирики. Типографіи раньше вмѣстѣ со школами были въ вѣдѣніи Патріарховъ, а теперь перешли въ вѣдѣніе Монастырскаго Приказа. Монастырскій Приказъ вѣдалъ и дѣла благотворительныя. Раньше при Патріархахъ были богадѣльни на попеченіи Патріарховъ на 400 человекъ. Патріархъ давалъ на нее опредѣленныя суммы въ казенный патріаршій приказъ, который и управлялъ богадѣльней. Теперь Монастырскій Приказъ выдавалъ содержаніе дряхлымъ, престарѣлымъ, больнымъ и долженъ былъ заботиться объ уничтоженіи бродячаго нищенства въ Москвѣ. Съ начала былъ созданъ богадѣльный приказъ подъ вѣдѣніемъ Монастырскаго Приказа, но потомъ они перешли въ непосредственное вѣдѣніе Монастырскаго Приказа. Отставные военные чины поручены были Монастырскому Приказу. Петръ распоряжался самъ церковными средствами для государственныхъ цѣлей, и около 1715 г. велѣлъ вѣчныя деньги использовать для устройства инвалидовъ. Размѣщеніемъ по монастырямъ вѣдалъ Монастырскій Приказъ, а Сенатъ въ 1719 г. установилъ, чтобы монастыри платили отставнымъ военнымъ чинамъ деньги въ размѣрѣ жалованья гарнизонныхъ чиновъ тѣхъ губерній, гдѣ расположенъ былъ соотвѣтствующій монастырь. Изъ этого примѣра видно, что весь монастырскій укладъ жизни пересталъ быть дѣломъ церковнымъ, а исключительно государственнымъ, хотя по существу дѣло это — дѣло чисто церковное, подлежащее вѣдѣнію Церкви, даже при классификаціи Шульте [въ числѣ чисто церковныхъ дѣлъ онъ помѣщаетъ слѣдующія: 1) Вѣроученіе и нравоученіе христіанское вмѣстѣ съ правомъ издавать вѣроучительныя книги, организація проповѣдничества и религіозное воспитаніе членовъ Церкви; 2) Богослуженіе и все, что относится до него; 3) Совершеніе и преподаваніе Таинствъ; 4) Церковное устройство и управленіе, между прочимъ воспитаніе клира и принятіе въ составъ его, и все касающееся отправленія церковнаго служенія; 5) Церковное судопроизводство; 6) Дѣла по организаціи монашескихъ орденовъ; 7) Управленіе церковными имуществами].

Строй церковный у Петра I входитъ въ компетенцію государственной власти.

Но Петровская точка зрѣнія была иная: въ манифестѣ 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи попеченіе о всемъ чинѣ духовномъ разсматривается, какъ право царской власти, въ

соотвѣтствіи съ усвоенной цезарепапистской теоріей Теофана. Это видно уже изъ самого манифеста: „Посмотря на духовный чинъ и видя въ немъ многія нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудность, не суетный на совѣсти нашей возымѣли мы страхъ, да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благопоспѣшительство во исправленіе какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ Судья спроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ Него врученномъ приставленіи да не будемъ безотвѣтны. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и Новомъ Завѣтѣ благочестивыхъ Царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго и не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, къ тому же не наследственная власть, того ради вѣще небрегутъ, устанавливаемъ Духовную Коллегію, т. е. духовное соборное правительство". Мы видѣли что Монастырскій Приказъ былъ главнымъ орудіемъ Царя при церковной реформѣ; мы видѣли, что государственный интересъ заслонилъ собой интересъ церковный, не только его поставленіемъ на первый планъ, но и простымъ уничтоженіемъ второго, какъ самостоятельной сферы другого союза. Царь, какъ понтифексъ максимумъ, явился вершителемъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ, вопреки канонамъ, своей собственной инициативой. Прикрываясь призрачной каноничностью онъ не далъ избрать другого Патріарха.

Для духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ Митрополитъ Стефанъ Яворскій, но и его игнорировалъ Петръ, когда назначилъ въ 1712 г. въ Петербургское временное церковное управление, поставивъ администраторомъ церковныхъ дѣлъ Архимандрита Невскаго монастыря Θεодосія Яновскаго, ѣздившаго съ Государемъ и Государыней за границу въ 1716-1718 г. Его Царевичъ Алексѣй звалъ лютеранскимъ апостоломъ въ Россіи. „Развѣ за то его батюшка любить, что онъ вноситъ въ народъ лютеранскій обычай и разрѣшаетъ на все", говорилъ царевичъ Алексѣй. Учитель Царевича считалъ его непочитающимъ иконы. Первые годы въ Синодѣ Θεодосій и Теофанъ дѣйствовали совмѣстно въ одномъ направленіи съ Петромъ.

Осуществленіе Петромъ церковной власти обращаетъ нашъ взоръ къ временамъ Реформаціи, когда главари реформаторы учили, что право учительства Церкви принадлежитъ Государямъ, а также и право управленія ею черезъ Консисторіи. Территоріальная система на Западѣ, подчиняющая всѣ исповѣданія власти государства, опираю-

щаяся на Гроція, Гоббса и Спинозу, была примѣнена въ своихъ крайнихъ выводахъ Томазіемъ, который уподобилъ принципиально право управления Церковью другимъ правамъ государственнаго управления, выводя ихъ изъ одного и того же существа государственной власти. Начало этой системы было заложено еще у Carito, друга Лютера, учившаго, что Церковь должна управляться государями, соединяющими въ своемъ лицѣ и духовную и свѣтскую власть. Протестантскіе Государи и присвоили себѣ сначала права Епископовъ по юрисдикціи, затѣмъ права учительства. Они отвергли стремленія иныхъ лютеранскихъ богослововъ устроить рядомъ съ Государями особую духовную власть, для того, чтобы самими стать духовными главами; то же сдѣлалъ и Петръ подъ вліяніемъ протестантовъ, съ которыми видѣлся за границей, между прочимъ съ Англійскимъ королемъ, совѣтывавшимъ ему соединить въ своихъ рукахъ обѣ власти по образцу протестантскихъ государей. Характерно, что его преемникъ, черезъ сто лѣтъ говоритъ Наполеону въ 1807 году въ Тильзитѣ: „Chez moi en Russie je suis à la fois Empereur et Pape c'est bien plus commode". (Debidour. Histoire des rapports de l'eglise et de l'etat en France. p. 255).

Петръ не только восхищается на себя церковную власть, но и осуществляетъ ее не въ церковномъ направленіи.

Вставъ на мѣсто Патріарха, Петръ могъ бы производить реформы въ церковномъ духѣ; это было тоже не канонично, но по крайней мѣрѣ, не было бы полного порабощенія Церкви въ ея нѣдрахъ духомъ чуждаго для нея міра. Мы знаемъ, что для Московской Руси верховнымъ идеаломъ, отражавшимся и на государственномъ строительствѣ, былъ духъ церковный, духъ аскетическій, но этотъ духъ нисколько не мѣшалъ государству разрѣшать свои собственныя задачи совершенно независимо и пріобрѣтать ту матеріальную цивилизацію, которая необходима для его существованія, и вести внѣшнюю политику въ соотвѣтствіи съ національными интересами. Петръ въ этомъ отношеніи въ государственной политикѣ слѣдоваль по пути, указанному государственными людьми времени Царя Алексѣя Михайловича — Никономъ и Ордынъ-Нащокинымъ; но въ своемъ размахѣ онъ не остановился и на порогѣ Церкви. Онъ не только вторгся въ нее, но сталъ тамъ расправляться даже не въ духѣ самой Церкви, растворяя ее въ своихъ государственныхъ идеалахъ. Какой же духъ проникалъ его дѣятельность въ отношеніи къ Церкви?

Проведеніе государственнаго утилитарнаго принципа въ церковную сферу.

Въ немъ несомнѣнно сказалось протестантское ученіе объ оправданіи вѣрой, а задача государства для него состояла уже не въ приобщеніи его къ высшимъ идеаламъ, а, напротивъ, въ подчиненіи всѣхъ другихъ государственному утилитаризму. Особенно это сказалося на отношеніи къ монашеству и въ мѣрахъ относительно внутренняго устройства монастырей, взятаго государственной властью въ сферу своего воздѣйствія.

Борьба съ древне-русскимъ аскетическимъ идеаломъ.

Эта тема особенно затрагивала Петра, ибо въ монашествѣ сказывался старый аскетическій идеаль свѣтившій Московскому государству, который подлежалъ теперь искорененію, и онъ неоднократно къ нему возвращался. О монашествѣ говорилъ и Указъ 1701 года, и Особое Прибавленіе къ Духовному Регламенту, и Указъ о званіи монашескомъ 1724 г. Всѣ они были борьбой и литературной и законодательной со старымъ взглядомъ на монашество. Монастырь представлялся древнерусскому человѣку осуществленіемъ высшаго идеала на землѣ. „Свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ мірянамъ иноки" — вотъ тезисъ Московской Руси. Монашество почиталось чуть ли не выше царской державы, и сами Цари стремились до смерти успѣть принять монашескій чинъ. Въ лицѣ своихъ подвижниковъ аскетовъ, іерарховъ, оно было душой теократическаго строя, умственнаго движенія и нравственнаго воспитанія до Петра. Хотя монашество въ концѣ XVII вѣка имѣло много отрицательныхъ сторонъ, упоминаемыхъ его изслѣдователями (Проф. Знаменскій), однако идея его продолжала быть регулятивомъ житейскаго строительства, пока властной рукой Петръ не подточилъ критикой самую эту идею и черезъ литературные труды Теофана, и черезъ свои законы.

О литературныхъ трудахъ Теофана мы говорили. Скажемъ о законахъ. Прибавленіе къ Духовному Регламенту отъ мая 1722 г. опредѣляетъ, кого и какъ принимать въ монахи, до мелочей опредѣляетъ ихъ внутреннюю жизнь въ монастыряхъ. „Весьма монахамъ празднымъ быти да не попускають настоятели, избирая всегда дѣло нѣкое, а добре бы въ монастыряхъ бы завести художества. Волочащихся монаховъ ловить и никому не укрывать. Монахамъ никакихъ по кельямъ писемъ, какъ выписокъ изъ книгъ, такъ и грамотокъ совѣтныхъ безъ собственнаго вѣдѣнія настоятеля никому не писать, чернилъ и бумаги не держать. Монахинямъ въ мірскихъ домахъ не

жить, ниже по міру скитатися ни для какой потребности. Скитковъ пустынныхъ монахамъ строити не попускати, ибо сіе мнози дѣлають свободнаго ради житія, чтобы отъ всякой власти и надсмотрѣнія удалень жити возмогль по своей волѣ и дабы на новоустроаемомъ скитѣ собирать деньги и тѣми корыстовался... И не въ примѣръ намъ древнихъ отецъ отшельничества; были тогда мужіе, добръ въ богословіи христіанствѣ обучени. Отшельничество чловѣку невѣжественному опасно есть, и душепагубному бѣдствію подлежаще, къ тому же пустынямъ прямымъ быти въ Россіи холоднаго ради воздуха невозможно". Но и это показалось Царю недостаточнымъ для искорененія „этого многому злу корня".

Вліяніе протестантизма на взглядъ Петра на монашество.

Замѣчая, что протестантство обходится безъ чернаго духовенства, Петръ рѣшилъ покончить съ монашествомъ. 26 января 1723 г. его Указъ повелѣвалъ, дабы отнынѣ впредь никого не постригать, а на убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ. Но эту мѣру онъ не смогъ провести и издалъ Указъ 31 января 1724 г., озаглавленный „Объявленіе когда и какой ради вины начался чинъ монашескій и какой былъ образъ житія монаховъ древнихъ и какой нынѣшнихъ исправить хотя по нѣкому древнимъ подобію надлежитъ". **Чистовичъ** („Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время" въ Сборникѣ статей, читанномъ въ отдѣленіи русскаго языка и словесности Импер. Академіи Наук" т. IV), изслѣдовавшій это произведеніе, удостовѣряетъ, что указъ составленъ Царемъ, а Ѳеофанъ сдѣлалъ выписки изъ отцовъ Церкви и цитаты изъ церковно-историческихъ сочиненій. „Объявленіе возстаетъ противъ древняго русскаго взгляда на монашество, какъ на дѣло, имѣющее значеніе личной заслуги передъ Богомъ и слѣдовательно, какъ на дѣло богоугодное и спасительное. Въ основѣ этой критики лежитъ протестантское ученіе объ оправданіи грѣшнаго чловѣка ради единыхъ Христовыхъ заслугъ туне, т. е. даромъ, не вслѣдствіе заслугъ передъ Богомъ, а единственно вслѣдствіе безграничной милости Божіей. „Объявленіе" и доказываетъ, что монашеское званіе не заслуга, не можетъ почитаться идеаломъ, и что истинное богоугодное дѣло заключается въ томъ, чтобы всякій чловѣкъ строго исполнялъ обязанности своего чина". Такое ученіе въ корнѣ противорѣчило Московско-Византійскому идеалу благочестія; оно служило основой для всѣхъ мѣръ Петра лишить монашество и духовенство прежняго исключительнаго положенія въ

обществѣ. **Морозовъ** говоритъ, что отъ Петра сохранилось множество замѣтокъ къ устраненію монашества и въ одной изъ нихъ сказано: „Слѣдуетъ вытолковать, что всякаго исполненіе званія есть заслуга, а не одно монашество“.

Государство навязываетъ Церкви свое воззрѣніе на монашескій чинъ.

Ееофанъ въ „Книгѣ о блаженствахъ“ оспаривалъ мнѣніе, что вѣчную жизнь надо заслужить подвигами, достоинство которыхъ измѣряется ихъ трудностью, опасностью, лишеніями и страданіями. **„Прибавленіе къ Духовному Регламенту“** относитъ къ предразсудкамъ старины, мнѣніе будто монашество есть лучшій путь ко спасенію, и что хоть передъ смертью надо принять постриженіе. Государство такимъ образомъ навязываетъ Церкви свою точку зрѣнія на чисто церковное установленіе и властно проводитъ ее черезъ посредство церковныхъ учрежденій. **Большаго отверженія Церкви, какъ самостоятельнаго учрежденія съ самостоятельными цѣлями и средствами трудно, кажется, себѣ представить.** Вся вообще монашеская жизнь была регулирована государственнымъ закономъ. Монастыри и монахи были переписаны въ силу царскихъ Указовъ, и монахи были закрѣплены за своими монастырями, какъ крестьяне. Разрѣшалось лишь одинъ разъ въ жизни перемѣнить монастырь. Среди этихъ мѣръ были и полезныя: напр. изгнаны изъ монастырей всѣ бѣльцы, жившіе въ монастыряхъ по родству съ монастырскими властями, прекращено бродяжничество, которое невыгодную тѣнь бросало на все монашество, усилена строгость въ монастыряхъ, но все же это не оправдывало съ церковной точки зрѣнія того, что государство со своими цѣлями встало на мѣсто Церкви въ чисто-церковномъ вопросѣ. Оно издало новыя правила и относительно управленія монастырей. Духовный Регламентъ подтвердилъ старый обычай выбора настоятеля всей братіей, но въ то же время въ цѣляхъ правительственнаго контроля установилъ, что въ главныхъ монастыряхъ настоятелями могутъ быть только изъ Александро-Невскаго монастыря, ибо о другихъ „ничего неизвѣстно государю“. Въ монастырское управленіе введенъ строй доселѣ неизвѣстный: нѣсколько монастырей съ игуменами подчиняются одному архимандриту въ видахъ правительственной градаціи; такія подчиненія раньше бывали, но вытекали изъ условій и требованій самой церковной жизни (вслѣдствіе происхожденія одного монастыря отъ другого или взятія однимъ другимъ ради защиты отъ своеволія вельможъ). Настоятель долженъ

быль при поступленіи давать присягу, что не будетъ держать ханжей и затворниковъ. Настоятелю разрѣшалось имѣть сношенія съ монастырскимъ духовникомъ для разузнаванія пороковъ среди братіи. Иногда впрочемъ мѣры Петра шли въ направленіи, указанномъ предыдущими Церковными Соборами 1667 и 1681 г. Эти Соборы принимали мѣры къ поддержанію монастырскаго общежитія, боролись съ институтомъ монаховъ собственниковъ, имѣвшихъ отдѣльныя келіи и жившихъ своимъ хозяйствомъ, или съ жительствовавшемъ въ гостяхъ постороннихъ людей. Петръ въ духовномъ регламентѣ рѣшилъ прервать связь съ міромъ и не позволялъ монаху выходить изъ монастыря больше четырехъ разъ въ годъ, и то съ вѣдома настоятеля, запретилъ монахамъ управлять самими вотчинами, и только черезъ прикащиковъ. Петръ запретилъ и вклады въ монастыри отъ поступающихъ въ нихъ, чтобы не уничтожалось равенства между монахами. За нарушеніе этого настоятель терялъ должность.

Проникновеніе утилитарныхъ стремленій Петра въ регламентацію имъ монастырской жизни.

На ряду и съ этими мѣрами благоустройства внутренней монастырской жизни, на что компетентна только церковная власть, Петръ проводилъ свою свѣтскую точку зрѣнія и отвергалъ главное дѣло монаховъ которымъ они поднимаются надъ дольнымъ міромъ — молитву: „А что говорятъ молятся, то и всѣ молятся... Какая прибыль обществу отъ сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ; понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности дабы даромъ хлѣбъ ѣсть". Онъ хотѣлъ извлечь изъ нихъ практическую пользу. „Объявленіе" 1724 г. начертало проэктъ устройства монастырей съ образовательной цѣлью, чтобы изъ среды обученныхъ вербовать священство и всякія начальства, но образовательное значеніе придано только Александро-Невскому монастырю. Рядъ мѣръ принялъ Петръ для извлечения пользы изъ простыхъ монаховъ. Духовный регламентъ требовалъ завести по всѣмъ монастырямъ художества столярныя, иконописныя, а для монаховъ пряжу, шитье, плетеніе кружевъ. Въ 1722 г. въ женскія обители вызваны мастерицы для обученія пряденію. Надзоръ за обученіемъ возлагался на св. Синодъ. Петръ хотѣлъ сдѣлать монастыри мѣстами благотворительности и общественнаго призрѣнія. Это было и въ старину, но Петръ хотѣлъ сдѣлать изъ этого официальную государственную обязанность и главное дѣло монастырей. Въ монастыри посылались подкидыши, сироты, преступники, сумасшедшіе, увѣчные солдаты, и монастыри

превращались постепенно въ богадѣльни, лазареты и воспитательные дома. За всѣмъ должны были слѣдить іеромонахи, іеродіаконы и докладывать настоятелю. По „Объявленію“ единственный богоугодный видъ житія для монаховъ почитался „еже служити прямымъ нищимъ престарѣлымъ и младенцамъ“. При женскихъ монастыряхъ вельно было устроить женскія богадѣльни и больницы и распредѣлить тамъ монахинь. Нѣсколько женскихъ монастырей отведено было для воспитанія младенцевъ. **Основная мысль Петра была сдѣлать монаховъ полезными членами общества и полезными именно своей матеріальной службой, которая въ его глазахъ не могла быть замѣнена службой духовной.** Онъ занятъ былъ самъ преобразованиемъ матеріальныхъ силъ народа, смотрѣлъ на подданныхъ исключительно съ государственной точки зрѣнія, требовалъ чтобы рѣшительно никто отъ такой именно службы не уклонялся, и монашеское отреченіе отъ міра для него казалось тунействомъ. Такая узко-матеріалистическая точка зрѣнія Петра простиралась и на духовенство. **Монастыри перестаютъ быть центромъ молитвы, подвига и связью съ міромъ, прибѣжищемъ для обездоленныхъ, а превращаются въ монастырскія богадѣльни, лазареты, теряютъ свой собственный смыслъ.** Вся крайность Петровскаго утилитарно-матеріалистическаго воззрѣнія сказала въ этой реформѣ монастырей, потребовавшей отъ монаховъ матеріальнаго служенія обществу, при убѣжденіи въ беспомощности ихъ духовнаго служенія, и уронившей значеніе монастыря. Толчокъ, данный Петромъ законодательству о Церкви, продолжался до половины XVIII в., и результатъ его виденъ изъ доклада Синода въ 1740 г.: „много монастырей безъ монаховъ, церкви монастырскія безъ службъ; некого опредѣлять къ монастырскимъ службамъ ни въ настоятели, ни въ школы для дѣтей. „Монашество уменьшалось, и Синодъ опасался, чтобы оно вовсе не уничтожилось въ Россіи. Вотъ плоды протестантскаго вліянія и разрушенія той Святой Руси, которую строилъ Никонъ. Реформа выдвинула на мѣсто церковнаго авторитета самодовлѣющей государственной авторитетъ, которому, по мысли Петра, все должно быть принесено въ жертву; интересы религіозные удалены изъ жизни на второй планъ, и первое мѣсто отдано интересамъ политическимъ. Это новое движеніе имѣло противъ себя и Кіевскихъ ученыхъ (Стефанъ Яворскій) и другихъ представителей православія (Св. Димитрія Ростовскаго и кн. Димитрія Кантемира и многихъ іерарховъ; Св. Димитрій, сочувственно относившійся къ другимъ реформамъ

Петра, строго однако порицалъ стремленіе ограничить права и преимущества духовнаго сословія, занимавшаго первенствующее положеніе въ государствѣ), — и представителей раскола, и огромныя массы православнаго народа.

Церковь перестаетъ при Петрѣ быть опредѣляющей стихіей государственнаго строительства.

Это естественно, ибо церковная реформа Петра была уничтоженіемъ прежнихъ церковныхъ основъ русской жизни. Послѣ Петра Православіе перестало быть опредѣляющей стихіей государственнаго строительства въ Россіи; оно, продолжая существовать, опредѣляло жизнь массъ народа, процвѣтало въ монастыряхъ, скитахъ, давало святыхъ подвижниковъ, но оно уже не было той связывающей само государство стихіей, которое отметало бы вліяніе любыхъ философскихъ системъ, постепенно другъ друга смѣняющихъ. Многимъ не безъ причины казалось, что съ отмѣной патріаршества Церковь теряетъ свою независимость, и потому протесты противъ Петровской церковной реформы, направленные противъ уничтоженія Церкви, какъ особаго самодовлѣющаго организма, выливались въ протестъ противъ отмѣны патріаршества. Въ этой отмѣнѣ усматривали равно и уничтоженіе идеи воцерковленія государства, и постановку чисто свѣтскихъ задачъ государству; патріаршество по его положенію въ государствѣ символизировало теократическій строй жизни, и потому уничтоженіе его разсматривалось, какъ нечестіе, какъ доказательство Антихристова пришествія.

Сочиненіе раскольника о Петрѣ съ протестомъ противъ превращенія православнаго Царя въ главу Церкви.

Интересно въ этомъ отношеніи раскольничье сочиненіе „Собраніе отъ Св. Писанія объ Антихриствѣ“. „И той лжехристось нача превозноситься паче всѣхъ глаголимыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ и нача величаться и славиться передъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ, истребляя отъ земли память ихъ, распространяя свою новую жидовскую вѣру и Церковь во всей Россіи; въ 1700 г. обнови по совершенномъ своей злобы совершеніи, новолѣтіе Янусовское и узаконивъ отъ онаго вести исчисленіе, а въ 1721 г. пріяхъ на себя титулу патріаршую, именовася Отцомъ Отечества и главой Церкви Россійской и бысть самовластенъ, не имѣя никого въ равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя неточію царскую власть, но и святительскую и Божию бысть самовластный пастырь, едина

безглавная глава надъ всѣми, противникъ Христовъ, Антихристь... Якоже папа въ Римѣ, тако и сей Лжехристосъ нача гонити и льстити и искоренити остатокъ въ Россіи православныя вѣры, и свои новыя умыслы уставляя и новыя законопопощенія полагая, по духовному и по гражданскому расположенію, состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угрешеніемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, **и уставы Сенатъ и Синодъ и самъ бысть надъ ними главою, судьей главнѣйшимъ; и тако нача той глаголемый Богъ паче мѣры возвышатися.** Той же Лжехристосъ сіе содѣла отъ гордости живущаго въ немъ духа, учини народное описаніе, исчисляя вся мужска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, и живыхъ и мертвыхъ, возвышался надъ ними и изыскаю всѣхъ дабы ни единъ могъ сокрытися рукъ его и обладая ихъ даньми великими не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини — и съ мертвыхъ дани востребовавъ: сего и въ давнія времена бывшіе мучители не творили. И тако той Лжехристосъ, **восхитивъ на себя царскую и святительскую власть и вступи на высочайшую степень патріаршескую, яко свидѣтельствуеть о томъ изданная имъ книга „Духовный Регламентъ“ листъ 3 въ 9 пунктахъ:** како и для чего уничтожи патріаршество, дабы ему единому властвовать, не имѣя равна себѣ, но, **вмѣсто того уставы Синодъ или Синедріонъ, содержащую въ себѣ правленіе духовныхъ дѣлъ, имѣя въ себѣ 12 членовъ, 4 ассессоровъ, 2 президентовъ, 2 вице-президентовъ, и приводя ихъ седьмоклятвенной присягой, дабы кромѣ его одинаго, никакихъ дѣлъ не творити, но имѣли бы его одинаго превысочайшимъ главою и судьей всей Церкви, и тако совершень соборъ учинилъ себѣ, воспріявъ по образу 12 апостоловъ Христовыхъ, и самъ единъ безглавная глава, превозносяйся надъ всѣми.** (Ч. О. И. И Др. Р. 1863; отд. III стр. 53—60). Хотя этотъ голосъ исходилъ отъ раскольниковъ, но подъ нимъ смѣло подписался бы и Никонъ, одинаково съ ними державшійся культуры церковной и обвинявшій Алексѣя Михайловича въ восхищеніи на себя власти церковной и видѣвшій въ этомъ захватѣ знаменіе близости Антихристова пришествія. Означенное сужденіе, исходившее изъ толщъ народныхъ, показываетъ, **что превращеніе православнаго Царя въ главу Церкви не прошло безъ народнаго протеста, и чуткой народной совѣсти претилъ цезарепапизмъ, какъ явленіе, порожденное не православіемъ, а языческой культурой дохристіанскаго Рима, и усугубленный протестантскимъ пониманіемъ объема свѣтской вла-**

сти въ церковныхъ дѣлахъ. Сочиненія Теофана, наталкивавшія на сомнѣнія въ мощахъ, въ святыхъ, въ иконахъ, и вызванныя этимъ духомъ мѣропріятія по свидѣтельствуванію мощей, житій святыхъ, чудесь, акаѳистовъ, запрещеніе строить Церкви безъ разрѣшенія Синода, закрытіе часовень, запрещеніе ходить по домамъ съ иконами — тяжело дѣйствовало на религіозныя чувства народа. Главными виновниками народъ почиталъ Теофана и Θεодосія этого „апостола лютеранства“, по выраженію Царевича Алексѣя Петровича.

Протестъ народнаго чувства противъ поправіа аскетическаго идеала.

Недовольство усиливалось въ монашествѣ превращеніемъ монастырей въ богадѣльни, воспитательные дома и дома призрѣнія для старыхъ и увѣчныхъ солдатъ. Народное чувство восставало не противъ благотворительнаго направленія монастырей, **а противъ сознательнаго искаженія самой ихъ идеи и поправіа аскетическаго идеала жизни.** Сторонники старины звали Регламентъ „Проклятой книгой“, какъ въ свое время называлъ Никонъ „Уложеніе“, впервые ставшее на путь государственной секуляризаціи. Но иные обличители не рѣшались обвинить самого Петра и увѣряли, что онъ былъ обманутъ еретиками Теофаномъ и Θεодосіемъ. Послѣ смерти Петра партія старины раскритиковала Духовный Регламентъ и писала, что „безбожный ересіархъ Теофанъ, сдружившись съ ересіархомъ Θεодосіемъ Яновскимъ, начали явно всю Святую Церковь бороть и всѣ ея догматы и преданія разрушать и превращать въ безбожное лютеранство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма было отъ нихъ въ народѣ плачевное время. Учали быть вездѣ противу благочестія безопасныя бесѣды, и кто каковое хотѣлъ на Церковь поношеніе говорилъ и всякое развратное и слабое житіе имѣти училъ смѣло; и такъ тогда поносима и возничтожаема Св. Церковь была, что всякое христіанское благочестивое дѣло единымъ словомъ и суетвѣріемъ называемо было; и кто въ нихъ еретикахъ былъ пуще пьяница и нахаль, и сквернословъ, и шутъ, тотъ званъ и вмѣняемъ въ простосердечнаго и благочестиваго человѣка, и въ высочайшія чести духовныя по ихъ еретическому предстательству возводимъ былъ; кто же хотя мало постникъ или воздержанъ и богомольный человѣкъ, тотъ у нихъ званъ былъ раскольникомъ и лицемѣромъ и ханжой и безбожнымъ, и весьма недобрымъ человѣкомъ“. Теофанъ, пропитанный протестантскимъ раціонализмомъ, относился къ народному пониманію религіи съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и пристрастіе къ

обряду почиталь грубымъ ханжествомъ и преслѣдоваль. Онъ въ корнѣ подрываль все то, что считалось основой русскаго благочестія. Народъ видѣль, что преслѣдуются самые дорогіе предметы его религіознаго почитанія, что обычай и вѣрованія дѣдовъ провозглашаются „бабьими баснями“, „душепагубными дуростями“; недовольство народа выражалось въ разныхъ формахъ, то въ подметныхъ письмахъ, то въ появленіи разныхъ людей, критикующихъ церковную реформу Петра. Такъ Соловьевъ (XV, 137) сообщаетъ о появленіи въ Москвѣ Нижегородскаго посадскаго Андрея Иванова, пришедшаго за 400 верстъ сообщить Царю, что онъ — еретикъ разрушаетъ христіанскую вѣру.

Всѣ внѣшнія формы религіи были дороги русскому человѣку, какъ видимое выраженіе православія; обрядъ тѣсно соединялся въ умѣ съ представленіемъ о вѣрѣ, и нарушеніе его почиталось грѣхомъ. А Петръ хотѣль репрессіями устранить вѣками выработанный религіозный складъ жизни и естественно нажилъ враговъ. Представленіе же его о путяхъ спасенія уже исходило въ дѣйствительности изъ инога неправославнаго ученія, результатомъ чего было его отношеніе и къ монашеству; инья были у него и каноническія понятія о правительственной власти въ Церкви, полученные изъ протестантскаго ученія; отсюда его понятіе о возможности отмѣны патріаршества свѣтской властью. Народъ инстинктивно чувствовалъ, что все это не можетъ дѣлать Царь православный, тотъ Царь православный, о которомъ училъ и Никонъ.

Значеніе уничтоженія патріаршества съ канонической точки зрѣнія.

Уничтоженіе патріаршества лишало Церковь самостоятельнаго, канонами созданнаго, іерархическаго строя, возглавлявшагося іерархомъ высшаго сана, самыя отношенія котораго со всей іерархіей диктовались не государственными, а церковными различіями. Теперь же въ Синодъ вошли лица всѣхъ степеней іерархіи, долженствовавшіе по принципу церковному быть въ подчиненіи, а не въ начальствованіи; принципы устройства государственныхъ коллегій примѣнены къ Синоду, и его члены даже назывались тѣми же именами президентовъ, ассессоровъ. Морозовъ сообщаетъ, что сначала въ Синодъ хотѣли ввести и протестантскихъ пасторовъ и сдѣлать его высшимъ административнымъ учрежденіемъ и для другихъ христіанскихъ Церквей (первое время ему и подлежали лютеранскія Церкви). Это было окончательнымъ уничтоженіемъ

особности Церкви, высшій органъ которой получалъ бытіе отъ государства и становился однимъ изъ государственныхъ учреждений. **Въ соотвѣтствіи съ этимъ исповѣдь и проповѣдь поставлены на службу государству.** Преступленія государственныхъ духовникъ открывалъ полиціи, а проповѣдь призвана была стать однимъ изъ политическихъ средствъ для государства.

Значеніе уничтоженія патріаршества съ культурной точки зрѣнія.

Уничтоженіе патріаршества было однимъ изъ проявленій угашенія аскетическаго идеала и всего монашескаго чина, къ которому принадлежалъ всякій Патріархъ. Духовный Регламентъ лишалъ духовенство первенствующаго положенія въ государствѣ и дѣлалъ Церковь уже не указательницей идеаловъ, которые призвано воспринимать и осуществлять государство, а просто однимъ изъ учреждений, департаментомъ полиціи нравовъ; въ видахъ этого Регламентъ высмѣивалъ духовенство и съ высокаго пьедестала учительнаго сословія вводилъ его въ среду житейской пошлости, гдѣ его представители выставались, какъ грубые невѣжды, ханжи, проповѣдующіе нелѣпости, тунеядцы, своекорыстные служители своихъ матеріальныхъ вожделѣній, готовые на бунтъ, убійства. Церковный авторитетъ теперь представлялся, какъ носитель косности, давящій мысль, и ему противопоставленъ болѣе сильный исключительный авторитетъ государственной власти, требующій безусловнаго подчиненія во имя ея просвѣщеннаго деспотизма.

Отличіе положенія Церкви въ послѣ-Петровскій періодъ отъ періода до-Петровскаго.

Сама Церковь становится орудіемъ на этомъ пути; она должна быть поставлена въ такое положеніе, чтобы дѣйствовать въ направленіи, удобномъ для цѣлей государственной власти. Раньше Церковь, какъ самостоятельное отъ государственной власти учрежденіе, могла и развиваться самостоятельно въ самой себѣ, параллельно государству и независимо отъ него; теперь она должна была дѣйствовать, какъ одно изъ государственныхъ учреждений, наряду съ другими государственными учрежденіями по предписаніямъ верховной власти „подъ наблюденіемъ и руководствомъ изъ офицеровъ, челоуѣка добраго и смѣлаго“, какъ говоритъ Указъ о назначеніи оберъ-прокурора 11 мая 1722 года. Теперь и Церковь обращается уже не только съ увѣщаніемъ, исходя изъ нравственнаго убѣжденія, а какъ правительственное учрежденіе, издающее юридически обяза-

тельные акты, неисполнение которых карается силой государственного закона. Церковь уже — не сила нравственно воспитательная, а учреждение, в котором физическое принуждение возводится в систему. Сама проповедь церковная из живого слова превращается в сухую мораль, регламентированную правительством до мелочей, до позы проповедника, и Церковь лишается положения свободной воспитательницы народа, свободно отзывающейся на все явления жизни. Через это и народ уходил в сторону от государственной Церкви, не помогающей самостоятельно ему разобраться в явлениях жизни, и искал других учителей, или впадал в религиозный индифферентизм. Духовенство перестало быть сословием, стоящим во главе интеллигенции, и превратилось в замкнутое сословие, в котором научные и образовательные интересы занимали второстепенное значение. Все это было результатом того положения, которое отводил Церкви Петр, дѣлая ее государственным учреждением, получающим директивы от свѣтскаго правительства и призванным переживать влияние тѣх же идей, которые раздѣляет в данное время свѣтское правительство, вмѣсто того, чтобы служить вѣчно одинаково свѣтящим маяком истины, добра и красоты, каким ее дѣлал Никонъ.

Мысли о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра и преслѣдованіе за нихъ.

Церковныя реформы Петра вообще, и уничтоженіе патріаршества въ особенности, какъ главная мѣра Петра по уничтоженію общественнаго значенія Церкви, вызвало противъ себя протестъ, не только въ народныхъ массахъ, но и въ литературѣ, и въ реальныхъ попыткахъ и мысляхъ о возстановленіи патріаршества немедленно вслѣдъ за смертью Петра. Самая его преждевременная смерть разсматривалась какъ кара Божія за присвоеніе церковной власти. „Вотъ де, говорилъ Архіепископъ Новгородскій **Ѳеодосій** въ Синодѣ, только коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взял". Ѳеофанъ составилъ дѣло о бунтѣ изъ неосторожныхъ словъ Архіепископа Ѳеодосія и послѣдній былъ арестованъ 27 апрѣля 1717 года, осужденъ 11 сентября 1725 г. и умеръ въ 1726 г. Тверской арх. **Ѳеофилактъ** по обвиненію въ желаніи стать Патріархомъ тоже былъ заточенъ въ 1736 г., 31 декабря 1740 г. онъ снова принялъ знаки архіерейскаго сана и умеръ 6 мая 1741 г. За пропаганду идей о патріаршествѣ былъ заточенъ въ 1732 г. архимандритъ Маркелль Родышевскій, впоследствии прощенный, умершій Епископомъ въ

1742 г. Среди противниковъ церковной реформы Петра былъ еще Ростовскій Епископъ **Георгій Дашковъ**, выдвигавшійся при Петрѣ II какъ кандидатъ въ Патріархи (въ это время у власти былъ князь Д. М. Голицынъ, почитатель памяти Стефана Яворскаго, поручавшій Теофилакту писать возраженія на Буддея протестанта); онъ по смерти Петра въ 1726 г. Екатериной I былъ опредѣленъ 3-мъ архіереемъ въ Синодъ; Указомъ Императрицы Анны въ 1730 году 21-го іюля вмѣстѣ съ Теофилактомъ онъ былъ удаленъ изъ Синода и 19-го ноября того же года Указомъ Императрицы Анны онъ заточенъ и въ февралѣ 1731 года принялъ схиму. Онъ заточенъ былъ въ Спасокаменномъ монастырѣ на островѣ Кубенскаго озера, въ 1734 г. онъ былъ отправленъ въ Нерчинскій монастырь съ запретомъ принимать отъ него какое бы то ни было заявленіе. Поводъ къ этому былъ въ томъ, что ему покровительствовали враги Анны — Долгорукіе, вслѣдствіе чего заключали, что и ихъ другъ Дашковъ — врагъ. По этому поводу про время Императрицы Анны историкъ пишетъ то, что легко представить намъ послѣ совдепіи, но трудно историку, жившему въ концѣ 19 вѣка: „Даже издали, на разстояніи 1 ½ вѣковъ страшно представить то ужасное мрачное и тяжелое время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками. Человѣкъ не сдѣлалъ никакого преступленія, вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ СПБ, Москву, неизвѣстно куда, за что. Когда то годъ—два назадъ онъ разговаривалъ съ какимъ-то подозрительнымъ человѣкомъ. О чемъ они разговаривали — вотъ изъ-за чего всѣ тревоги, ужасы, пытки. Везъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины". Вина всѣхъ этихъ духовныхъ лицъ была только въ желаніи возстановить каноническій строй управленія Русской Церковью, и неодобреніе церковной реформы Петра, не соотвѣтствовавшей воспитаннымъ на православіи народнымъ взглядамъ".

Но и при самой Аннѣ мысль о патріаршествѣ не оставлялась и сторонники его прочили въ Патріархи архимандрита **Варлаама**, духовника Императрицы. Мы не будемъ перечислять многихъ другихъ, пострадавшихъ въ низшихъ чинахъ, только скажемъ, что главныя преслѣдованія относились ко времени Императрицы Анны, когда толчокъ, данный Петромъ въ церковной реформѣ, привелъ къ своему естественному результату, прямому гоненію на православіе. Но

послѣ смерти Теофана въ 1736 г. первымъ членомъ Синода сдѣлался Вологодскій Епископъ, **Амвросій Юшкевичъ**, защитникъ патріаршества и взглядовъ Маркелла Родышевскаго. Съ вступленіемъ на престолъ Елизаветы онъ привѣтствовалъ Россію съ избавленіемъ отъ враговъ внутреннихъ и сокровенныхъ, истреблявшихъ православіе. Чистовичъ пишетъ: „Синодъ вспомнилъ о своихъ страдающихъ при Елизаветѣ; наступило точно воскресеніе изъ мертвыхъ. Сотни, тысячи людей безъ вѣсти пропавшихъ и считавшихся умершими ожили снова. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири, послѣ смерти Императрицы Анны потянулись освобожденные страдальцы на свою родину, или въ мѣста прежней службы — кто съ вырванными ноздрями, кто съ отрѣзаннымъ языкомъ, кто съ перетертыми отъ цѣпей ногами, кто съ изувѣченными отъ пытокъ руками и изломанной спиной". Церковные проповѣдники при Елизаветѣ приписывали это ненависти Бирона, Остермана, Миниха, Левенвольда и прочихъ нѣмцевъ лютеранъ къ русской вѣрѣ и русскому народу и старавшихся де истребить самый корень восточнаго благочестія, и считали такъ потому, что больше всѣхъ терпѣли духовные — архіереи, священники и монахи. Архіепископъ **Кирилль Флоринскій**, ректоръ Московской Духовной Академіи говорилъ: „Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссары дьявола, имъ же попустившу Богу, богатство, слава и честь желаніемъ приключишася: сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерствъ и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи: правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и до корня истребятъ".

Вотъ что стало въ Россіи, когда начатая при Алексѣѣ Михайловичѣ государственная секуляризація привела къ гегемоніи государства надъ Церковью, а сама власть въ государствѣ оказалась въ рукахъ подлинныхъ протестантовъ, оказавшихся не на второстепенныхъ постахъ, какъ при Петрѣ, а на дирижирующихъ должностяхъ, какъ при Императрицѣ Аннѣ. Заложенная при Петрѣ идеологія царской власти осталась на все время императорскаго періода; положеніе Церкви въ государствѣ фактически измѣнялось въ разныя царствованія, но всегда подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя принимала сама свѣтская власть; оно не опредѣлялось уже всегда одинаковымъ ученіемъ Православной Церкви, указываемымъ въ теоріи симфоніи Никона и въ ученіи о православномъ Царѣ, которое уста-

навливалъ Никонъ, и которое, не отнимая ничего у Церкви, призывало государство приобщаться къ духу Церкви и ея направленію, видя въ ней отдаленный, хотя никогда, можетъ, недостижимый идеаль.

Литературная борьба за возстановленіе патріаршества и аскетическаго уклада жизни. Маркелль Родышевскій.

Изъ представителей литературной борьбы за возстановленіе каноническаго строя нельзя не отмѣтить архимандрита **Маркелла Родышевскаго**, который подвергъ критикѣ одинаково и Духовный Регламентъ, и Указъ о монашествѣ. Онъ старался выяснить, **что патріаршество есть не только древнѣйшая, но и единственно законная форма правленія** (понимая подъ патріаршествомъ возглавленіе Церкви однимъ изъ ея Епископовъ); здѣсь же онъ уяснялъ, въ связи съ патріаршествомъ, **самый принципъ** древне русскаго монашества, то, что въ немъ было жизненнаго, **что привязывало къ нему народъ и давало ему значеніе одной изъ важнѣйшихъ формъ народной жизни**. Для него монашество есть совершеннѣйшее житіе христіанское и чинъ, соединенный съ присягой при постриженіи. Высшее совершенство его — то, что монахъ обѣщаетъ сохранить не только заповѣди Христовы, но и совѣты — нищеты, чистоты и послушанія ради Бога. Самъ Богъ умыслилъ черезъ Церковь Свою „этотъ чинъ святой и непорочный по Божественному Своему Слову и усмотрѣнію установилъ, паче же ради пользы великія всѣхъ православныхъ христіанъ“.

На вопросъ, когда начался монашескій чинъ, Маркелль Родышевскій отвѣчаетъ, что „этотъ чинъ трегубый. Есть монахи, которые не имѣютъ постриженія монашескаго или одежды, но дѣла и нравы монашескіе исполняютъ. Таковыми были первые Апостолы, которые самовольну Христа ради нищету воспріяли, оставивши дома, села и отцовъ и чады и шедшіе по Господу. Таковъ былъ монахъ и начальникъ всѣхъ пустынножителей Св. Іоаннъ Креститель. Второй чинъ, или монахи прямѣйшіе были, носившіе отличныя одежды отъ прочихъ христіанъ, описанные въ Чети-Минейхъ и прологахъ со времени Пахомія Великаго, которому ангель во образѣ великаго чина современныхъ иноковъ далъ въ руки дщицу имущую написанныя угрозы иноческаго житія и началось нынѣшнее монашество въ великомъ ангельскомъ образѣ“. Такъ монастыри оказывались воспринявшими начало съ самыхъ первыхъ вѣковъ по Христу. Если Петръ и Теофанъ возставали противъ монастырей въ городахъ, то Маркелль возражалъ, что это сдѣлано по многимъ причинамъ: „во-первыхъ ра-

ди добродѣтельнаго ихъ житія, дабы образъ всѣмъ христіанамъ во градѣхъ живущихъ могли быти и въ подражаніе; во-вторыхъ ради молитвъ ихъ сильныхъ у Бога, чтобы уврачевывали съ вѣрой и благоговѣніемъ къ нимъ приходящихъ; чтобы далеко не искать еже на архіерейство и на самое патріаршество возводити достойныхъ, но дабы предъ очима всегда были, яко же познать удобно изъ исторіи. Ради ихъ службы отъ сокровищъ царскихъ давалось имъ имущество, дабы они вмѣсто Царей и Патріарховъ и вмѣсто всего царства подавали всѣмъ потребная — вдовамъ, сиротамъ, страннымъ, больнымъ и всѣмъ во всѣхъ нуждахъ сущимъ. Это есть главнѣйшая и первая причина, коея ради начались быти вотчины при монастыряхъ и въ Греческомъ царствѣ и въ Россійскомъ. Давать священному чину всякому, монаху или клирику, есть повелѣніе еще въ Вѣтхомъ Завѣтѣ!... „Весьма безъ основанія и нетвердо разсужденіе написано“, продолжаетъ Маркелль, „будто чинъ монашескій есть отъ челоуѣка установленный. Показано выше, что монашество есть истинное христіанство совершенное, которое всякій законъ Христовъ и Совѣты Его исполняетъ всеусердно. Убо ли совершенные христіанскіе монахи древніе путь свой имѣли отъ челоуѣкъ установленный? **А правду сказать сіе слово на лютеранство много походило и едва ли не самое оно есть, взятое отъ трактата лютеранскаго о монашествѣ.** Благочестивѣйшіе православные Цари греческіе и по нихъ вси по всѣмъ странамъ и царствамъ по совѣту съ синклитомъ или Сенатомъ своимъ Христу Господу отъ всего любленія сердечнаго своего удѣляли часть и опредѣляли ю Богу своему Христу Господу во вся. Отъ такого то чина и образа и опредѣленія и въ насъ въ Россіи содѣлалось и принято отъ Греческаго царства съ вѣрой благочестивой тогда, когда увѣрила Св. Ольга, Св. Владиміръ и многіе Россійскіе Цари и иніи создатели монастырей и церквей; и оттолѣ завелся чинъ сей богоугодный и таковымъ, якоже и рѣхъ, образомъ и сей ради вины. **Обида монастырямъ есть поэтому обида чести Христовой и наслѣдію Его или во имя Его Пресвятой Богородицы и святого коего отданному. Надо лишь позаботиться чтобы монастырское имущество и церковное не шло на сторону помимо нуждъ церковныхъ и монашескихъ и на призрѣваемыхъ Церковью нищихъ и вдовыхъ.** Если говорятъ о злоупотребленіяхъ и тунеядцахъ, то „какой же чинъ на свѣтѣ есть, который бы не имѣлъ въ себѣ добрыхъ и злыхъ. Воистину не безъ порока и Цари и Князья, Владыки, Епископы, вожди, воины и всѣ властелины и чины. **И сего**

ли ради изъ-за нѣкихъ сицевыхъ еже есть злыхъ, и добрыхъ порочить надлежитъ, и ради множайшихъ обрѣтающихся весьма непотребныхъ людей во всякомъ чинѣ, егда ли подобаетъ ухищрять чтобы таковой чинъ весь привести или опровергнуть?" Такъ возражалъ Маркелль, что идею учрежденія нельзя оспаривать указаніемъ на плохое его осуществленіе. Онъ указываетъ далѣе, что не все въ чинѣ монашескомъ понято: „вѣдь на немъ лежитъ молитва за всѣхъ, молитва повседневная не зависящая отъ желанія, посѣщеніе всѣхъ службъ церковныхъ, сопровождаемое непревѣчными строгими послушаніями отъ начальства монастырскаго; если указывать, что всѣ молятся, то вѣдь не такъ часто и безъ понужденія; сіи же по вси дни и на все пѣніе церковное должны идти въ келіяхъ молиться и, хотя хотятъ, хотя не хотятъ, однако повиновеніе творятъ то, на что пришли. Поэтому то всегда были великія благотворенія духовному чину отъ мірянъ, и никто не выговаривалъ и не ропталъ, но въ простотѣ сердца подавалъ. Нынѣшніе же христіане, хотя самому Богу отдадутъ, то больше хлопотъ и выговоровъ будетъ нежели подаваній; лучше бы было прежде не давать, нежели отдавъ да еще Богу да послѣ выговаривать. Сіе же произошло наипаче отъ безсовѣстныхъ и зѣло дерзостныхъ сотворшихся въ Европѣ лжехристіанъ и лжеучителей, паче же лютеранъ и кальвинистовъ и прочихъ, которые весьма сотворились мудры о себѣ, а не о Бозѣ, начали и учить, и дерзостно отъ прежнихъ благочестивыхъ обладателей странъ и градовъ Богу отданныя имѣнія святотатственно себѣ похищать и смѣло употреблять, увидѣвъ, что Богъ ихъ за сіе того часа не мучитъ, оставляя въ будущую казнь и геену огненную; прежнихъ же суевѣрцами и есьма неразумными звать за то, что Богу отдавали въ монастыри имѣнія свои. Тое то безбожное дѣло и Богу противное, тое — глаголю губительство нечестивое и язва душъ, а не тѣлесамъ вредящая, коснулась и нашихъ странъ и начала вредить крѣпко множайшихъ совѣсти, но и самую кровью Христовою искупленную души". Въ означенномъ сочиненіи Маркелль отстаиваетъ древне русскій взглядъ на монастырь, какъ учрежденіе необходимое для всего общества, выполняющее за него обязанность молитвы и своимъ имуществомъ восполняющее социальную справедливость заботой о бѣдныхъ. Онъ отстаивалъ идеалы святой Руси, требовавшей для спасенія молитвы, дѣлъ и жертвеннаго подвига, противъ наплыва матеріалистическихъ идей о ненужности для спасенія подвига и достаточности одной вѣры. Маркелль не закрываетъ

глазь на недостатки современнаго монашества, но предлагаетъ, чтобы исправленіемъ занялась сама Высшая Духовная Власть, чтобы она выискивала всюду, даже черезъ опросъ окрестныхъ людей, и выдѣляла истинныхъ монаховъ, испытывала бы ихъ житіе, только тѣхъ посвящала бы въ Архимандриты и Епископы, которые займутся улучшеніемъ монашества на мѣстахъ. Когда таковыя лучшіе окажутся въ высшемъ духовномъ правленіи или таковымъ будетъ самъ главнѣйшій, поставленный надъ всѣми, то постепенно произойдетъ улучшение.

Сочиненіе Маркелла напоминаетъ намъ образъ Никона.

Невольно при этихъ разсужденіяхъ Маркелла вспоминается образъ такого главнѣйшаго въ лицѣ Никона, всюду и всегда подавашаго примѣръ собой и своей строгой дисциплиной стремившагося поднять духовное сословіе. Маркеллъ считался съ тѣмъ, что ученыхъ нѣтъ, но говорилъ, что, вѣдь, для архіерейства не такъ потребны люди ученые, какъ Богодухновенные и добродѣтельные, не столько словесами, сколько дѣломъ учащіе, указываль, что внѣшняя премудрость при отсутствіи духовной даже не полезна въ архіереѣ, ибо приведетъ его къ гордости и самопревозношенію. Мы привели нарочно въ подробностяхъ критику Родышевскаго на церковную реформу Петра, **ибо она пополняетъ изображеніе того идеала, который въ свое время отстаиваль Никонъ.** Мы видѣли неутомимую дѣятельность Никона по устройству монастырей, видѣли, какъ онъ самъ служилъ аскетическому идеалу на дѣлѣ и озарялъ имъ все строительство жизни; онъ не писалъ объ этомъ, ибо тогда на эту его дѣятельность еще никто не нападалъ; дѣло еще не заходило такъ далеко; глазамъ его могла предноситься только картина помраченія церковнаго идеала, ибо Церковь уже начала испытывать давленіе враждебныхъ ей силъ: свѣтская власть вторгалась въ ея нѣдра, а черезъ то могла принести съ собой и чуждыя Церкви понятія и устремленія. Охрана Никономъ церковной самостоятельности въ ея высшихъ церковныхъ функціяхъ и самостоятельности въ управленіи церковными имуществами, могутъ быть надлежаще оцѣнены при разсмотрѣніи того разрушенія церковности, которое наступило и могло наступить только по отверженіи основныхъ началъ и устоевъ, которые исповѣдываль и защищаль цѣной своей жизни Никонъ: именно самостоятельность Церкви, недопустимость для свѣтской власти вторгаться въ Церковь. Вѣдь предстоятель церковной власти,

независимо отъ его личныхъ качествъ, всегда больше связанъ, и, главное, больше проникнуть пониманіемъ церковныхъ принциповъ, чѣмъ представитель власти свѣтской, могущій быть подъ вліяніемъ другихъ стихій; за послѣднимъ, кромѣ того, физическая сила и соблазнъ употребить ее въ дѣль, для нея по существу неприкосновенномъ.

Цѣлесообразность Никоновскихъ идей въ свѣтъ Петровскаго разрушенія Церкви.

Возможность явленія Петра, властно вмѣшавшагося со своей реформой въ Церковь, есть лучшее оправданіе цѣлесообразности, а не только каноничности Никоновскихъ принциповъ, и иллюстрація опасности допущенія во внутреннія управленія Церкви свѣтской власти. Съ точки зрѣнія Никона дѣянія Петра по церковной реформѣ подлежали проклятію, ибо Никонъ не допустилъ бы, чтобы свѣтская власть по своей инициативѣ могла вторгаться въ Церковь и односторонне разрѣшать церковныя дѣла, хотя бы и прибѣгая къ послѣдующему вынужденному одобренію церковной власти, какъ дѣлалъ это Петръ.

Взгляды на реформу Петра съ точки зрѣнія Никоновскихъ идей.

Никонъ не избѣгалъ совмѣстнаго управленія Церковью съ царемъ, но онъ порицалъ одностороннія распоряженія свѣтской власти въ церковныхъ дѣлахъ, почиталъ недѣйствительнымъ соборъ 1660 г., назначеніе самостоятельнымъ Мѣстоблюстителемъ Патріаршаго Престола Митрополита Питирима безъ возношенія имени Патріарха Никона и всѣ дѣйствія Царя по управленію Церковью послѣ своего ухода, именно потому, что они могли исходить только отъ власти церковной, возглавляемой Патріархомъ, а не отъ власти свѣтской. Никонъ проклиналъ за это Митрополита Питирима и, если не проклиналъ Царя изъ уваженія къ его сану, то все же неоднократно писалъ объ этомъ Царю и въ концѣ концовъ, уходя изъ суда, сказалъ: „моя кровь и грѣхъ всѣхъ на твоей головѣ, Царь". Тотъ путь церковныхъ реформъ, которыми пошелъ Петръ, въ глазахъ Никона, былъ несчастьемъ не для одной Церкви, но и для государства. Мы можемъ вспомнить, что въ своихъ разсужденіяхъ и письмахъ проявленіе непочитанія къ правамъ Церкви Никонъ почиталъ гибелью для царства, и онъ писалъ это еще тогда, когда захватъ Церкви не доходилъ еще со стороны Царя до такихъ размѣровъ, какъ при Петрѣ. Съ точки зрѣнія Никона такія реформы въ Церкви были со стороны Петра го-

сударственнымъ самоубійствомъ. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы самодержецъ повиновался Богу и Его закону и оставлялъ Церковь свободно осуществлять свою духовную власть, свою юрисдикцію надъ духовными и монахами и управлять своей собственностью, посвященной Богу.

Пальмеръ о Петрѣ, какъ исполненіи Никоновскихъ проклятій.

Пальмеръ вспоминаетъ неоднократно о проклятїи, павшемъ невольнo на царя и его домъ отъ Никона, когда онъ читалъ псалмы за молебномъ въ Воскресенскомъ монастырѣ за насиліе надъ нимъ со стороны Боборыкина, и онъ усматриваетъ въ явленіи Петра, духовно убитого сестрой Царевной Софьей при невозможности для нея убить его въ буквальномъ смыслѣ, наказаніе для всего потомства Царя Алексѣя. Онъ его называетъ „нечестивымъ правителемъ и законодателемъ самоубійцей, названнымъ міромъ великимъ". „Его фаворитомъ съ конца 1689 года сталъ иностранецъ Лефортъ. Софья была въ монастырѣ, когда еще не кончилось самовоспитаніе Петра; онъ еще не началъ управлять лично, но Софія уже сдѣлала свое ужасное дѣло. Она создала для отцовскаго дома и для Россіи будущаго законодателя съ великой властью и великимъ невѣжествомъ, съ сильными страстями, неограниченными самодисциплиной, съ сильной волей и безъ всякаго закона, кромѣ своей собственной воли, который призванъ былъ стать разрушителемъ и истребителемъ и аристократіи, и стрѣльцовъ, остававшагося до него подобія канонической іерархіи, однимъ словомъ, всѣхъ древнихъ Московскихъ учрежденій, и самой династіи" (V, 954). Пальмеръ въ другомъ мѣстѣ констатируетъ, что для самаго Царя Алексѣя, согрѣшившаго противъ своей совѣсти передъ Никономъ, „было наказаніемъ ранняя смерть многообѣщавшаго Θεодора (IV, 449) и развитіе сына, родившагося съ величайшими природными дарованіями, подававшаго самую блестящія упованія, въ дикаря, совершавшаго акты жестокости, беззаконія и нечестія"; „этотъ герой-дикарь былъ исполнителемъ возмездія, какъ законодатель и разрушитель для бояръ, мужей совѣта и приказовъ и для всей наслѣдственной знати, повинной въ жадности, притѣсненіи, святотатствѣ, и для іерархіи, ставшей соучастницей или прислужницей въ нечестіи, совершившемся надъ Никономъ" (V, 1027). И онъ рассказываетъ, какъ самъ Петръ сознавался въ двухъ своихъ главныхъ недостаткахъ: отсутствіи самообладанія и настоящаго образованія. Онъ самъ въ раскаяніи говаривалъ, приходя въ се-

бя отъ гнѣва: „я могу управлять другими, но не могу управлять собою". А Императрица Елизавета разъ сказала Петру III, тогда наслѣднику: „Я помню, какъ отецъ, увидѣвъ меня съ сестрой за уроками, сказалъ со вздохомъ: ахъ, если бы меня въ молодости учили какъ слѣдуетъ" (V, 1028). Пальмеръ говоритъ, что слова Петра болѣе глубоки, чѣмъ могъ представить ихъ онъ самъ. Ибо онъ не предвидѣлъ, что лучшимъ преемникомъ завершенія его патріотическаго дѣла будетъ нѣмецкая принцесса, совершенно не связанная съ Россіей, которая совершивъ для блага страны убійство послѣдняго изъ законныхъ потомковъ, какъ онъ убилъ своего законнаго сына, прославить его память внѣ дворца конной статуей среди новой столицы его творенія, а во дворцѣ устроить библіотеку со статуей атеиста Вольтера".

Пальмеръ объ основномъ порокѣ русскаго государственнаго строя.

Проникновеніе государственной идеи нѣмецкимъ духомъ и оторванность ея отъ идеи народной. Предсказаніе о гибели русской государственности.

Это положеніе, при которомъ русское правительство совершенно игнорировало обязательность для Царей считать себя въ своей дѣятельности связанными Церковью, къ которой принадлежать подданные, и шло за протестантизмомъ въ своемъ церковномъ законодательствѣ, даетъ право Пальмеру сказать (V, ар. 40): „Россія теперь — имперія, въ которой нѣмецкій элементъ съ его благороднымъ религіознымъ индифферентизмомъ есть голова, а греческая религія привязана къ этой чужой головѣ, какъ хвостъ привязанъ къ хребту собаки". **Начало этой оторванности отъ народа Пальмеръ усматриваетъ въ томъ страшномъ событіи, которое совершилось 12 декабря 1666 года — день низверженія Никона изъ сана.** Тогда въ маленькой церкви Чудова монастыря Никонъ сказалъ: „Вопрошаю Вы и о семъ, откуда вы сія законы взяли есте, яко тако дерзновенно творите? Аще бо азъ и повинень бы быхъ и осужденію достоинъ, че со ради сіе тайно творите, яко же татіе, приведосте бы мя въ сію церковницу въ монастырѣ сущую, въ ней же не обрѣтается Царское Величество и весь его царскій синклитъ такожде и всенародное множество Россійскія земли? или азъ по благодати Св. Духа паству свою или пастырскій жезль въ сей церковицѣ воспріялъ? Но вѣру ми имате, яко сія церковица создася уже прежде сего отъ нашего смиренія, мы же избраніемъ Пресвятаго Духа, желаніемъ же и тщаніемъ и прилежаніемъ слезнымъ прошеніемъ и моленіемъ благочестивѣйшаго Царя и его страшныхъ и нестерпимыхъ клятвъ,

засвидѣтельствовавшихся Самимъ Богомъ, воспріяхомъ патріаршество въ Святѣй Соборнѣй и Апостольской Церкви передъ всенароднымъ множествомъ, ни желаніемъ, ни тщаніемъ, ни снисканіемъ коего либо образа, и еще нынѣ желаніе вамъ бысть еже не праведно насъ осудити и изврещи, да идемъ во Святую Божию Церковь, въ ней же воспріяхомъ пастырскій жезлъ, и еще обрящуся достоинъ вашего намѣренія, то буди вама яко же годнѣ, и еще хотите, то тамо и творите". Слышавъ же сіе рекоша, еще тамо, еще здѣсь все одиначе совѣтомъ Богоматери Царя и всѣхъ Архіереевъ, собранныхъ дѣло совершается; а еже Царское Величество здѣсь не обрѣтается, то бысть по волѣ ему". (Шушеринъ, 126, 127). Пальмеръ и замѣчаетъ, что низверженіе Никона произошло безъ публичности и безъ народа. Наступитъ, прибавилъ онъ, день, когда за это и народъ сдѣлаетъ нѣчто безъ Благочестивѣйшаго Царя и Архіереевъ; сѣющій вѣтеръ, пожинаетъ бурю (V, 728 прим. 66). И Пальмеръ, подобно Крижаничу, восклицаетъ (IV, пред. СХІІІ): „Что ждетъ въ будущемъ Россію? Russia quo spectat?" Завладѣть-ли ей нѣмецкій матеріализмъ и въ концѣ концовъ наступитъ даже апостасія отъ самага имени христіанскаго? Должны ли два царства Russia и Russia быть подобны другъ другу по своей природѣ, какъ и по своимъ именамъ, какъ Гогъ и Магогъ пророка Іезекиіля? Или будетъ православная реакція? Если такъ, то возможна ли православная реакція? Хвостъ не можетъ руководить головой. Но теперь голова и спинной хребетъ у Россіи нѣмецкіе. Греческая религія и Церковь привязаны къ нѣмецкому принципу гражданскаго верховенства, какъ хвостъ къ хребту собаки. Головѣ и спинному хребту принадлежитъ руководство, и хвостъ долженъ слѣдовать за ними. Отдѣльные индивиды, хотя бы они или ихъ отцы, согрѣшившіе столь глубоко, могутъ каяться, но исторія не знаетъ примѣра націи, которая, разъ отступивъ добровольно отъ высшаго религіознаго положенія къ низшему, пришла бы въ себя отъ своего собственнаго внутренняго покаяннаго усилія... Но невозможное людямъ возможно Богу". Прогнозъ Пальмера исполнился: голова и спинной хребетъ увлекли хвостъ, Россія послѣдовала за нѣмецкимъ матеріализмомъ въ его худшей формѣ¹, уже не за протестантизмомъ, а за экономическимъ матеріализмомъ. Толчокъ, данный два вѣка тому назадъ привелъ къ потерѣ Россіей христіанскаго имени и вмѣсто Святой

¹ Нѣмецкій жидъ Марксъ далъ характерную для еврейства идеологію, какъ мессія царства земного рая.

Руси царить Тріэсерія. Совершилось то, чего, не предполагалъ и Пальмеръ. Но предсказаніе его ясны и являлись логическимъ заключеніемъ того міросозерцанія, которое говоритъ о возмездіи свѣше за грѣхъ, и за личный, и за общественный, тѣмъ болѣе за грѣхъ нераскаянный, о которомъ всегда говорилъ Никонъ. Пальмеръ писалъ въ своей статьѣ „Судьба славянскаго царства“: „Казалось, Ѳеодоръ былъ поставленъ на тронъ, чтобы довершить прекраснымъ и трогательнымъ поступкомъ (возстановленіе въ патріаршество и реабилитація Никона со стороны восточныхъ Патріарховъ, признаніе Царя Алексѣя), и былъ приставленъ, чтобы дать путь принявшимъ наказаніе.

Пальмеръ о значеніи паденія Никона для русской исторіи.

Кончился эпизодъ исторіи, поскольку онъ былъ дѣломъ между извѣстными личностями, но его политическія и церковныя послѣдствія долго видны намъ, и еще не болѣе, какъ въ своемъ началѣ. Мы не достигли ихъ и теперь, спустя два вѣка. **Паденіе Никона** — та точка, тотъ переломъ, около которыхъ должно было обращаться дальнѣйшее религіозное и политическое развитіе многихъ поколѣній. Какія же послѣдствія должны быть приписаны паденію Никона? Надо отвѣтить вопросомъ: каковы были бы послѣдствія, если бы Царь поддержалъ твердо Никона и далъ бы ему восторжествовать надъ врагами? Онъ были бы слѣдующія: власть по управленію государствомъ и Церковью были бы упрочены въ рукахъ его друзей ему подобныхъ; была бы разрушена сила дурныхъ людей, Алексѣй на одрѣ смерти на страшилъ бы оставить Ѳеодора и свое семейство отъ второго брака на попеченіе Никона съ устроеннымъ правленіемъ, гдѣ бояринъ Матвѣевъ занялъ бы почетное мѣсто. Послѣ смерти Никона и Ѳеодорово правленіе было бы внѣ опасности. Матвѣевъ не былъ бы въ ссылкѣ когда все зависѣло отъ его присутствія. Софія не могла бы обратить грѣхъ своего отца на дѣтей его своимъ честолюбіемъ. Она не могла бы лишитъ Петра надлежащаго воспитанія. Петръ не былъ бы самоучкой или былъ бы воспитанъ не Лефортомъ (иностранцемъ, искателемъ приключеній), а друзьями Никона и Матвѣева. Пришедши въ силу, должнымъ образомъ подготовленный, онъ не нашель бы и враждебной просвѣщенію іерархіи, которая уже сдѣлалась орудіемъ бояръ; не нашель бы дворянства, неспособнаго ни оцѣнить великое и полезное въ его планахъ, ни удержать его силой законнаго вліянія отъ дѣлъ ненародныхъ

и преждевременныхъ, не нашель бы людей, которые, поправъ Церковь своими ногами, заслуживали сами быть поправными въ свою очередь ногами другихъ и потерять тотъ политическій вѣсъ, какой имѣли прежде и т. д. Судьбы Россіи были бы иными. Но Никонъ паль и его паденіе повлекло за собой заслуженное наказаніе и духовенства, и дворянства, и придержащихъ властей, наказаніе, которое не могло быть отвращено, пока грѣхъ, причинившій его, не былъ бы достаточно исповѣданъ и пока не была бы воздана справедливость тѣмъ правамъ Церкви, которыя представлялъ Никонъ. Ибо это была не личная только борьба двухъ противоположныхъ началъ, встрѣтившихся между собой около личности чловѣка, который по своему положенію и характеру становился представителемъ и олицетвореніемъ одного изъ нихъ".

Обязанность Россіи въ отношеніи къ Никону.

Если бы, добавимъ мы, у Никона не отняли возможность дѣлать его дѣло, то духовенство было бы инымъ, и просвѣщенію въ государствѣ и Церкви было бы дано подобающее мѣсто, но все направленіе культуры оставалось бы строго православнымъ, и голова страны, правительство не было бы освобождено отъ церковно православной культуры и не было протестантизировано, и Петръ, воспитанный въ православномъ духѣ, совершая великія государственныя преобразованія, предуказанныя въ значительной степени и во внутренней, и во внѣшней политикѣ дѣятелями отцовскаго царствованія въ видѣ Ордынъ-Нащокина, не совершалъ бы своей церковной реформы, которая отняла у Церкви подобающее ей общественное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то вліяніе, которое она призвана осуществлять. Тогда, быть можетъ, при наличіи свободной Церкви, свободно осуществляющей свое призваніе, ея воздѣйствіе на общество и въ XX вѣкѣ было бы сильнѣй, и Россія не имѣла бы такой оторванности ея мозга — интеллигенціи отъ Церкви, которая привела ее подъ власть экономическаго матеріализма и социализма. **Теперь въ этой гибели Россіи надо винить и тѣхъ, кто обезсилилъ Русскую Церковь.** Но возмездіе совершено, остается вспомнить завѣтъ Никона причиной несчастій считать грѣхъ и, найдя его, искупить его, какъ въ отношеніи возданія должнаго тому, кто предостерегалъ противъ него, такъ и въ отношеніи прекращенія самаго грѣха. Въ томъ и другомъ отношеніи сдѣлана пока только часть должнаго. Память Никона восстановлена грамотой восточныхъ Патріарховъ 1682 года, данной по

просьбѣ Царя Ѳеодора, но этого возстановленія недостаточно, ибо Никонъ пострадалъ за правду и за Церковь, и какъ отмѣченный чудесами Божьими, творимыми при обращеніи къ Богу черезъ посредство, онъ долженъ быть канонизованъ. Чудеса, посылаемыя черезъ его посредство лучшее опроверженіе клеветъ, возведенныхъ на него при жизни. Ихъ было возведено особенно много со стороны раскольниковъ, и опроверженіе ихъ составило отдѣльный трудъ проф. Субботина, напечатанный въ „Прибавленіи къ твореніямъ Св. Отцовъ“, издававшемся Московской Духовной Академіей. Клеветы эти касались многихъ качествъ Патріарха Никона. Что касается клеветъ относительно его дѣятельности, то онѣ опровергаются при подробномъ разсмотрѣніи ученія Никона и его дѣятельности. Нельзя не присоединиться къ Пальмеру, который пишетъ: „Чѣмъ больше мы смотримъ на Никона, тѣмъ меньше основанийъ мы находимъ его винить въ тѣхъ недостаткахъ, которые вмѣняли ему его враги. Въ немъ не было ничего похожего на незнаніе различія и надлежащихъ границъ между государственной и духовной властью, ни какой либо склонности къ свѣтскому или духовному высокомерію или честолюбію; чего онъ искалъ себѣ лично? Это — строгіе подвиги покаянія и самоумерщвленія за грѣхи свои и своего народа, суровая пища, камень вмѣсто ложа и возглавія и тяжелыя вериги. Тѣмъ же духомъ проникнуты и духовныя и другія лица, лично къ нему привязанныя, въ сравненіи съ которыми его враги изъ бояръ и духовенства — рѣзкія противоположности. Многія дѣти Царя Алексѣя — крестники Никона“.

Необходимость уничтоженія грѣха, совершеннаго по отношенію къ Никону.

О добродѣтеляхъ Никона и нечестія его враговъ повѣдала Царевна Татьяна Михайловна племяннику своему и крестнику Никона, Царю Ѳеодору, а также объ его страданіяхъ и побудила его посмотреть и удостовѣриться лично въ трудахъ Никона въ Воскресенскомъ монастырѣ, чтобы понять всю несправедливость обвиненій на Никона. Правда, грамота Восточныхъ Патріарховъ признала въ Никонѣ оберегателя и хранителя вѣры и каноновъ, какъ бы признавала его передъ канонами неповиннымъ, но она говорила, что Никонъ искупилъ свои грѣхи смиреннымъ несеніемъ наказаній, и такимъ образомъ реабилитировала его въ порядкѣ милосердія, а не въ порядкѣ признанія его правоты и признанія нечестивости суда надъ нимъ. Такой реабилитациі недостаточно. Вспомнимъ еще, что Никонъ даль

прощение Царю только личное, какъ человѣку; это прощение было не-совершенное, а совершеннаго прощениа Никонъ не далъ Царю, ибо онъ могъ дать только подъ епитрахилью церковнымъ способомъ, какъ онъ самъ написалъ ему. **Для этого надо было уничтожить совершенное надъ Никономъ нечестіе, чего Провидѣніе не дало Царю Алексѣю.** И послѣ смерти Царя Алексѣя Михайловича Никонъ вновь отказалъ въ письменномъ прощении и еще разъ далъ понять, что для него невозможно простить грѣха общественнаго, отпустить Царю вину эту и отвратить послѣдствія его; „мы будемъ судиться на страшномъ судѣ Божіемъ" сказалъ онъ. Для полнаго снятія съ себя вины царской власти необходимо не только возстановить его въ Патріархахъ, что сдѣлалъ Царь Ѳеодоръ публично, но и откровенно признать вину ея представителя Алексѣя Михайловича передъ покойнымъ Патріархомъ такъ, какъ въ свое время призналъ Царь Алексѣй Михайловичъ вину за Царя Грознаго передъ гробомъ Св. Филиппа устами Патріарха Никона.

О возстановленіи православнаго царства. Отправной пунктъ для построения церковно государственныхъ отношеній. Постановление Собора 1667 г. о власти Царя и Патріарха.

Такъ обстоитъ дѣло въ отношеніи опредѣленія отношенія къ Никону самому; что же касается уничтоженія самага грѣха, то въ этомъ отношеніи сдѣлана также только часть: **возстановлено Соборомъ Русской Помѣстной Церкви патріаршество, неканонически отмѣненное Петромъ I, но въ смыслѣ измѣненія отношенія къ Церкви со стороны самого государства еще ничего не сдѣлано;** при возстановленіи царства, надо озаботиться, чтобы возстановлено было царство православное съ признаніемъ границъ власти для православнаго Царя, съ признаніемъ свободы Церкви, какъ ее требовалъ Никонъ, и по завѣту Никона, воплощавшаго въ своемъ ученіи лучшіе завѣты лучшихъ временъ Византіи; **передъ государствомъ должна быть поставлена, какъ вѣчный идеаль, задача его оцерковленія.** Это прежде всего отразится на томъ положеніи, которое займетъ Патріархъ въ государственномъ строѣ обновленной Россіи. Это должно быть возстановленіемъ „Святой Руси", забытой среди великихъ государственныхъ преобразованій Строителемъ Новой Россіи Петромъ, въ свою очередь нынѣ поверженной въ прахъ. Тогда вмѣстѣ съ строительствомъ Россіи будетъ проявлена и забота о томъ, чтобы снова поэту не пришлось повторять сказаннаго о дѣлахъ Петра:

„И на дѣлахъ его великихъ
Печать проклятiя легла“.

Правительство въ государственномъ строительствѣ не можетъ игнорировать основной стихiи народа, его создавшей и наложившей неизгладимый отпечатокъ на всю его культуру. Основнымъ пунктомъ для отправления можетъ послужить принципиальное признанiе двухъ самостоятельныхъ властей духовной и свѣтской на Соборѣ 1667 года, послѣднемъ Соборѣ, разсматривавшемъ отношенiя этихъ властей и являющемся свободнымъ голосомъ Русской Церкви.

Патрiаршiе отвѣты, привезенные съ Востока iеродиакономъ Мелетiемъ о власти царской и патрiаршей, хотя и говорили, что Царь единый законодатель въ дѣлахъ гражданскихъ, однако говорили это вскользь, а вообще говорили, что Патрiархъ долженъ быть послушнымъ Царю, какъ поставленному на высочайшемъ достоинствѣ. Русскiе iерархи принимали теорiю Никона о духовномъ превосходствѣ священства и объ юридическомъ равенствѣ и параллелизмѣ властей царской и церковной, но до осужденiя Никона они не возбуждали этого вопроса, ибо не хотѣли упустить чего либо для его осужденiя, желая отъ него избавиться. Когда же онъ былъ осужденъ, Митрополитъ Павелъ Крутицкiй и Митрополитъ Илларионъ Рязанскiй добились пересмотра принципиальнаго рѣшенiя вопроса о соотношенiи власти царской и патрiаршей, ибо испугались, что патрiаршiе отвѣты отдадутъ архiереевъ въ полное распоряженiе царской власти, и такимъ образомъ „Царь не столь благочестивый, какъ Алексѣй Михайловичъ, можетъ оказаться опаснымъ для Церкви“; было этому посвящено нѣсколько засѣданiй, и Патрiархи вынуждены были написать объяснительную записку, въ которой дали другое толкованiе второй главѣ патрiаршихъ отвѣтовъ, которое и легло въ основанiе соборнаго рѣшенiя, согласованнаго съ прочитанными на соборѣ отрывками, относящимися къ данному вопросу изъ сочиненiй Златоуста 2-го Слова и 6-го Слова о священствѣ, Епископа Кипрскаго Епифанiя, Григорiя Богослова, Василия Великаго, изъ посланiй Папы Григорiя Двоеслова къ Императору Льву, изъ первой Книги Царствъ, второй книги Ездры. Несмотря на то, что Лигаридъ искусилъ все свое краснорѣчiе въ доказательствахъ превосходства царской власти съ ссылкой на языческихъ писателей Виргилиа и Гомера, и на то, что Царь не только у Римлянъ, но и у Египтянъ совмѣщаль съ царской властью власть священства, несмотря на то, что онъ затемнялъ принципиальный вопросъ указанiемъ на то, что все дѣло въ

качествѣ личныхъ носителей царскаго и патріаршаго сана Соборъ пришелъ къ единодушному постановленію: „Да будетъ признано заключеніе, что Царь имѣеть преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, а Патріархъ въ дѣлахъ церковныхъ, дабы такимъ образомъ сохранилась цѣлою и непоколебимою стройность церковнаго учрежденія". Это было принципиальное торжество Никоновской идеи, равно какъ постановленія Собора о закрытіи Монастырскаго приказа и объ обратной передачѣ Церкви суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства (послѣднее оставалось въ силѣ до 1700 года). Лишь церковная реформа Петра нанесла ударъ принципу, установленному Соборомъ 1667 года, принципомъ государственнаго територіализма, который представляетъ изъ себя обратную сторону католической іерархической системы среднихъ вѣковъ, съ полнымъ захватомъ государствомъ церковныхъ функций. Система эта не выросла изъ русскихъ условій и явилась формой западнаго протеста противъ папской системы: она чужда православію.

Сопоставленіе 2-ой главы патріаршихъ свитковъ съ объяснительной запиской Патріарховъ объ этой главѣ.

Интересно сопоставить рѣшеніе вопроса о власти царской и патріаршей во 2-ой главѣ патріаршихъ свитковъ и въ объяснительной запискѣ патріарховъ, чтобы почувствовать перемѣну въ этихъ двухъ рѣшеніяхъ, изъ которыхъ одно составлялось въ угоду царской власти Патріархами подъ руководствомъ Лигарида и Мелетія, а другое было вынуждено прочтеніемъ отрывковъ изъ святоотеческихъ сочиненій.

Вторая глава гласила: „Подобаетъ ли всѣмъ, наипаче мѣстодержащу Епископу или Патріарше, подчиненну быти и повиноватися Царю, — царскую власть держащему и ее употребляющему, во всякихъ гражданскихъ вещахъ и преніяхъ, тако во еже бы единому быти Господу и начальнику или ни? Отвѣтъ: **Яко же Богъ есть на небеси повсемѣственнѣ то на земли суть по Бозѣ тѣи, иже держащии царскую власть и престоль;** и яко же иже несохранивый вѣры Божественныя отъ общества вѣрныхъ изгнанствуя отвергается подобнѣ иже вѣры къ царскому достоинству сотворенныя не сохранившы, лестію же и отай дѣщіе недостойни, намъ мнятся еже христіанское имя на себѣ къ тому содержатся, занеже бо помазанникъ Господень именуется и есть, иже царскимъ вѣнцомъ увѣнчанъ быше". Затѣмъ приводится исповѣданіе греческихъ Патріарховъ передъ Императоромъ: „Исповѣдую симъ писаніемъ моимъ, еже сохранить ми къ тебѣ, крѣпчайшему Царю и повелителю чистую вѣру и

благохотѣніе, якоже долженствую, то отъ естественаго нѣкоего мановенія и отъ правильнаго долга такъ, **во еже би ми быти подъ повелительствомъ и заповѣдью и подъ маніемъ царскаго твоего достоинства** и противу всякому человѣку противлящемуся сему моему крестному цѣлованію. И по малѣхъ: сіе же крѣпкое цѣлованіе неточіе къ Царю, но и къ Царицѣ и къ ея сынамъ царевичамъ принадлежитъ. И по малыхъ: еже быти ми подъ изволеніемъ и прописаніемъ твоя царскія свѣтлости и **еже дѣлати ми по благоизволенію твоихъ царскихъ тако писаніемъ преданныхъ, якоже и кромѣ писаній изъявленныхъ...** Аще же откуда явится твое сомнѣніе, **обѣщаю мя подлагати подъ судъ и его достойныхъ казни по предложенію и повелѣнію твоего царскаго престола**". Приводя эти выдержки изъ 64 гл. Номоканона Патріархи дѣлаютъ резюме: изъ нихъ же собирается: „Царя убо быти совершенно Господа и единаго быти законодавца всѣхъ гражданскихъ, Патріарха же быти послушлива Царю, яко поставленному на высочайшемъ достоинствѣ и отмстителю Божью, ниже коимъ либо обычаемъ господствовати еже хотѣти имъ дѣяти въ вещахъ гражданскихъ, еже есть противъ и пако-стно царскому непщеванію... Творяще (Патріарху) противнѣ церковнымъ уставамъ или **противнѣ Царю** неразсуднѣ и безумнѣ дѣюща и съ престола своего весьма быти извержительна и удалительна. На 5 вопросъ отвѣтъ говоритъ: никто не имѣетъ толику свободу, да воз-можетъ противиться царскому велѣнію, законъ бо есть. Того ради, аще кто ихъ духовный предстатель, аще и **Патріархомъ его наре-чеша или иною степени мужъ, сицевому повелѣнію (словесному) или епистолии сопротивень бы ся да страждетъ казнь, яко без-правильное нѣчто сотворившій**". Нетрудно видѣть, что отвѣты эти довольно двусмысленны, ибо, хотя говорится о гражданской сферѣ, гдѣ Царь признается господиномъ, и одновременно Царь сравнивается съ Богомъ, ничего не говорится о дѣлахъ церковныхъ, а въ концѣ концовъ какъ будто всякое противленіе Патріарха Царю, въ какихъ бы то ни было дѣлахъ признается казни достойнымъ. Напротивъ объ-яснительная записка Патріарховъ выдѣляетъ опредѣленно догматы и каноны и раздѣляетъ сферы духовную и свѣтскую и ставитъ обязан-ностью Патріарха противиться Царю, если онъ будетъ еретичество-вать и нарушать каноны.

Въ докладѣ по Гюббенету значилось во второй главѣ между прочимъ: „отъ сихъ познавается, единаго Царя Государя быти влады-чествующа всея вещи благоугодныя, Патріарха же послушлива ему

быти, яко сущему въ вѣщшемъ достоинствѣ и мѣстному Божию". Патріаршій свитокъ говорилъ: „законодавца всѣхъ дѣлъ гражданскихъ", а Лигаридъ написалъ въ переводѣ: „владычествующа всея вещи благоудобныя". Такое искаженіе уже совершенно не оставляло мѣста для самостоятельной сферы Патріарха даже и въ томъ нарочно затемненномъ видѣ, въ которомъ оно было въ патріаршихъ свиткахъ. Русскіе архіереи поняли, что патріаршая власть несправедливо унижена, что, если Царь есть верховный владыка во всякой вещи благоудобной, а Патріархъ долженъ быть ему послушенъ, то послѣдній долженъ подчиняться Царю и во всѣхъ вещахъ т. е. и въ дѣлахъ духовныхъ и церковныхъ, черезъ что у Русской Церкви отнимается всякая самостоятельность, и Церковь совершенно порабощается государству; поэтому два Архіерея отказались подписать низложеніе Никона, пока не будетъ исправлено въ патріаршемъ спискѣ неправильное ученіе о патріаршей и царской власти. Поэтому и было назначено нѣсколько засѣданій въ январѣ 1667 г. по этому вопросу. Послѣ второго засѣданія ночью 15 января Митрополиты Павелъ и Илларионъ мотивировали свое недовольство свиткомъ, указавъ, что „зло съ теченіемъ времени можетъ увеличиться и возрасти, особенно если будетъ утверждено за постоянное правило, что Государство выше Церкви". Они дѣйствительно и добились разъясненія Патріарховъ въ особой запискѣ, уже иначе опредѣлившей разграниченіе властей. Записка эта говоритъ: „Во второй убо главѣ патріаршихъ свитковъ обрѣтается: яко Патріархъ да покорится Царю во всѣхъ градскихъ дѣлахъ и является о семъ, яко умалается патріаршій санъ, обаче сораздѣленіемъ имать разумѣтися писано въ сей главѣ. **Зане яко ина убо суть церковныя догматская и правильная, ина же суть градская внѣшняя и правная къ доброму правленію и исправѣ царствію.** Ибо во внѣшняя правная градская лѣпотствуетъ яко Патріархъ да не противится отнюдь Царю, но да едино гласити и да едино мыслить, яко быти миръ и тихость въ царствіи и да не сѣются зизаніи и соблазны, и будетъ двуначаліе, яко бы иное хоцетъ Царь и ино Патріархъ; якоже видится и въ хронографахъ, иже повѣствуютъ, яко многажду нѣкіе Патріархи возмушаху царства и соблазняху. И сего ради ко строенію и ко цѣломудрію или ихъ обузданію вопросиша державніи Цари, и наипаче Царь Киръ Мануиль Комнень, иже и царствова лѣтъ 37 да и сотворитъ на письмѣ исповѣданіе къ Царю ради вѣщаго увѣренія и крѣпчайша въ будущія лѣта, еже сотвори киръ Михайль Керулларій Императору Константину. **Къ церков-**

нымъ же догматскимъ и правильнымъ не имать отнюдь покоритися Царю Патріархъ зане есть законъ одушевленъ и живой гласъ правилъ; сице читаемъ, яко и Божественный Златоустъ обличи царицу Евдокію о вдовицынѣ виноградѣ, Гермогенъ Патріархъ иконоборца Теофила ради св. иконъ и иніи многи всесвятѣйшіе и премудрѣйшіе мужи обличаху съ дерзновеніемъ вельможныхъ и князей, наипаче медоточивый Амвросій преславнаго Θεодосія... пророку и Царю Давиду глаголюще: и глаголахъ передъ Цари и не стыдятся. Сего убо ради такими раздѣленіями престанетъ всякое сопротивленіе. Почто имать Царь, да покорится Патріарху? И почто имать Патріархъ, да покорится Царю? Сія рѣчь, яко Патріархъ да не вступится въ царскія вещи царскаго двора и да не отступитъ внѣ предѣлѣ церковныхъ, якоже и Царь имать, да хранить чинъ свой. Аще же ни слышати будетъ оное (еже читаемъ въ ветхомъ Писаніи о Озіи Царѣ, иже взя кадиланицу и кадити хотяше) не лѣсть ти есть кадити: вещь иже ниже подобаше ему отнюдь начинати. Два свѣтильника суть въ мірѣ солнце и луна; обаче солнце да властвуетъ днемъ и луна да возсіяетъ ночью; и никогда солнце изыде отъ обычнаго чина своего, ниже луна премѣни теченія своя и естество свое, но всегда любезно движутся и хранятъ предѣлѣ, иже Творецъ всѣхъ положи имъ сопрееодолѣніе и непреложное повелѣніе. Такимъ образомъ имать и Патріархъ управитися съ Царемъ и Царь съ Патріархомъ ради прелюбезнаго сего единомыслія и мира иже обожествитъ вкупѣ земная вся и небесная, Божественная и человѣческая. Сіе глаголемъ, егда православствуютъ и правоправятъ слово истины единъ и другіе, сирѣчь, Царь и Патріархъ, но егда Царь будетъ еретикъ, и неправно правитъ, тогда весьма подобаеъ Патріарху противостояти ему и огласитъ его, сирѣчь поучати; и аще послушаеъ и уцѣломудрится, приобрѣлъ душу цареву и приметъ мзду отъ трудовъ своихъ, якоже и Павелъ противоста Петру, егда видя его нисходящимъ къ іудеямъ, иже хотяху хранити Ветхій вкупѣ съ Новымъ Завѣтомъ непреложно, яже о вѣрѣ, имать убо да обличатся малые и великіе безнепщеванія. Зане о душѣ есть вся бѣда. Иде Царь Ираклій въ Персиду и остави Патріарха Сергія въ Константинополь, который аще и еретикъ бѣ, обаче вѣрный царствію ста; кольми паче имать быти Патріархъ вѣренъ къ Царю православному, иже тщится разширити скиптры благочестивыя иже поборется и о истинной и непорочной православной вѣрѣ. Таковъ убо Царь, аще и пошлетъ къ Патріарху,

да приидеть къ нему, или да поидеть, иногда ради душеполезнаго нѣкоего дѣла, долгъ имать вскорѣ двизатися, и да приидеть къ нему по его царскому повелѣнію, якоже и Царь Θεодосій Малый писа къ Св. Кириллу Патріарху Александрійскому и къ Іоанну Златоусту, абіе и оба послушаше повелѣнія царева, иже призваша ихъ пріити къ царствующему граду, и придоша единъ живъ а другій усопшій. Якоже и христоролюбивый и превеликій Константинъ повель Патріарха Антіохійскаго Евстафія да поидеть въ Иверію и не преслуша его повелѣнія царева блаженный Евстафій, но послуша его. По такимъ убо дѣламъ и такимъ образомъ повинуются Патріархи православнымъ самодержцамъ". (Гюббенеть, II, 1039—1041).

Постановленіе Собора 1667 г. о власти царской и патріаршей есть офіціальное ученіе Русской Церкви и выраженіе народной мысли о православномъ Царѣ.

Означенное распредѣленіе полномочій между Царемъ и Патріархомъ вполнѣ сходствуетъ съ Никоновскимъ ученіемъ, и проповѣдуетъ ту же симфонію властей, которую проповѣдывалъ и Никонъ; оно было принято на Соборѣ, несмотря на все противодѣйствіе Лигарида, и такимъ образомъ ученіе святоотеческое, благодаря Никону, сдѣлалось офіціальнымъ постановленіемъ Русской Церкви. Оно было принято и русскимъ священствомъ, и невольно, подъ давленіемъ внутренней своей истины, не могло не быть раздѣлено и Восточными Патріархами. Оно было и ученіемъ принятымъ народомъ въ огромной своей массѣ, какъ видно изъ протеста его противъ „Восхищенія на себя Царемъ Петромъ правъ первосвященительскаго достоинства", обнаруженнаго имъ въ рѣшеніи дѣлъ церковныхъ самостоятельнымъ починомъ царской власти, подъ вліяніемъ ученій выросшихъ въ совершенно другихъ условіяхъ на западѣ въ борьбѣ съ папскимъ теократизмомъ среднихъ вѣковъ. Оно является и исходнымъ основаніемъ для построенія будущихъ церковно-государственныхъ отношеній.

Въ дѣйствительности Петръ I боролся въ Россіи не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей. Петровская система территориализма.

Въ Россіи же Петръ оказался въ борьбѣ не съ папскимъ теократизмомъ, а съ теоріей симфоніи властей, которая даетъ свѣтской власти высшую основу и освященіе въ цѣли свѣтской власти — своими средствами способствовать спасенію человѣчества. Та система отношеній государства къ Церкви, которая проникла къ намъ съ Петромъ и внесла коренное измѣненіе въ прежнія отношенія, носить

названіе государственной церковности; она также носить отпечатки системы территориализма или Йозефинизма (названіе это дано по тому богатому примѣненію, которое сдѣлалъ изъ нея Австрійскій Императоръ Іосифъ II).

Петровская система территориализма или Йозефинизма. Мартенсъ фонъ-Тилингъ.

Принципіально территориалистъ Іосифъ II желалъ наилучшаго устроенія всѣхъ сторонъ жизни въ интересахъ государственнаго благополучія, и онъ — Императоръ реформировалъ всѣ стороны церковной жизни: богослуженіе, пастырство, монашескую жизнь, дѣленіе на дієцезы и приходы, условія вступленія въ клиръ и замѣщеніе церковныхъ должностей, церковный судъ, брачное право и церковно-имущественныя права. Подобно нашему Петру I, эти реформы онъ совершалъ по собственному своему усмотрѣнію, ибо онъ себѣ одному приписывалъ право сужденія о томъ, что полезно и желательнo въ интересахъ государственнаго блага, не обращая вниманія, ни на обычаи народа, ни на взгляды Церкви, и полагалъ свое призваніе въ томъ, чтобы логикой своихъ теорій возродить Австрію (пр. Суворовъ. Курсъ Церковнаго Права II, 475, 476). Мы можемъ отнести къ Петру I *mutatis mutandis* и то, что дальше говорить объ Іосифѣ II Проф. Суворовъ: „Во всемъ, что касалось внѣшняго церковнаго порядка, Іосифъ не допускалъ высшей церковной власти Римскаго Папы надъ своей территоріей, признавая за Римскимъ престоломъ авторитетъ лишь въ вопросахъ вѣры и такихъ, которые собственно касаются духа и души (какъ и Петрѣ въ разговорѣ съ Сорбонскими профессорами объ соединеніи Церквей отослалъ ихъ разговаривать съ нашими архіереями по своей некомпетентности). Церковно государственное единство не понималось Іосифомъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Византійской системѣ, средневѣковой теократіи или Людовикомъ XIV. Іосифъ сдѣлалъ важный шагъ впередъ на пути признанія свободы совѣсти, допустивъ въ своемъ государствѣ 4 исповѣданія (католическое, лютеранское, реформаторское и греко восточное). Но связь между государствомъ и Церковью не разрушена и въ Йозефинизмѣ, напротивъ религія, Церковь, духовенство должны были служить **пригоднымъ средствомъ для достиженія государственнаго благополучія**, съ одной стороны потому, что безъ вѣры гражданъ въ Провидѣніе и въ вѣчное наказаніе не можетъ обойтись ни одно благоустроенное государство, а съ другой стороны потому, что церковная каѳедра есть цѣлесообразный

путь къ распространенію здравыхъ гражданскихъ понятій. Къ Іозефинизму въ особенности приложимо остроумное замѣчаніе Мартена, сдѣланное имъ о системѣ государственной церковности вообще: **это есть обратная сторона средневѣковой іерократической системы съ перестановкой дѣйствующихъ церковно государственныхъ факторовъ**, такъ что тамъ, гдѣ по средневѣковымъ возрѣніямъ дѣйствуетъ мечъ духовный, по системѣ государственно-церковной долженъ дѣйствовать мечъ свѣтскій и наоборотъ. Такимъ образомъ сущность этой системы можетъ быть выражена буллой *Unam sanctam* въ такой редакціи: „*Uterque gladius est in potestate regis, spiritualis scilicet et materialis. Sed ille quidem pro republica hic vero a rege est exercendus. Hic regis, ille manu papae et episcoporum, sed ad nutum et patientiam regis. Oportet autem gladium esse sub gladio et spirituali auctoritatem temporali subijci potestati. Nam temporalis potestas spiritualem instituere habet et judicare, si bona non fuerit. Ergo si deviat spiritualis potestas judicabitur a potestate temporalis*"¹. Объ этой системѣ, которую можно начинать въ Россіи только съ Петра I Wilhelm von Tiling выражается такъ: (Russisches Zarentum und Deutsches Kaisertum, Seite 12): *Der Zar machte selbst mit anfangs widerwilliger später unterwürfiger Zustimmung der kirchlichen Vertreter zum geistlichen Oberhaupte des Russischen Volkes und Reiches! Bei solcher Versetzung alles Bestandes und alien Begriffe, welche schon in Konstantinopel einst beanlagt war, vollzog sich dann von selbst, dass die Bischöfliche Fürsorge des Zaren für die Russische Christenheit in eine Zarische Gewalt über die Kirche sich verwandelte. Man huldigte dem Zaren als dem priest-erlichen und nationalen Gebieter der Russisch-Orthodoxen Christenheit*"². И Tiling, несмотря на то, что въ идеѣ Русской Имперіи онъ не видитъ никакой одухотворенной силы кромѣ будто бы голаго эгоизма власти и *Streben nach unbedingter Herrschaft eines Menschen über andere Menschen* (ib. S. 5)³, принужденъ признать идейную борьбу Никона. *Der charaktervolle Patriarch Nikon wagtaden letzten Kampf für die*

¹ Оба меча въ обладаніи Государя, и духовный и свѣтскій. Тотъ употребляется за государство, а этотъ государемъ. Этотъ употребляется государевой рукой, а тотъ рукой Папы и Епископовъ, но для нужды государя. Надо однако чтобы одинъ мечъ подчинялся другому, и духовная власть подчинялась свѣтской. Ибо свѣтская власть должна устанавливать духовную и судить ее, если она не соответствуетъ назначенію. Поэтому духовная власть подлежить суду свѣтской, если уклонится съ назначенія.

² Самъ Царь сдѣлался, при неохотномъ сначала, а потомъ при покорномъ согласіи церковныхъ представителей, духовнымъ главой русскаго народа и Имперіи. При такомъ перемѣщеніи всякаго состоянія и всѣхъ понятій, когда то достигнутымъ въ Константинополь, само собой случилось, что епископское попеченіе Царя о русскомъ христіанствѣ превратилось въ царскую власть надъ Церковью. Присягали Царю какъ духовному и національному властителю русско-православнаго христіанства.

³ Стремленіе къ безусловному господству одного человѣка надъ другими людьми.

Selbständigkeit der Kirche gegenüber dem Zaren" (12 ib)¹. Но онъ не понималъ Никона, ибо нѣсколькими строками ниже онъ говорить объ узости его взглядовъ: „Dennach unterlag Nikon als letztes selbständiges geistliches Oberhaupt der Russischen Volkskirche dem gewaltsam herrschendem Zarentume wohl deshalb, weil auch Nikon weniger die geistigen Mächte des Glaubens und der Lehre vielmehr die kirchlichen Gebräuche vertrat"². Если бы онъ не смѣшивалъ Петербургской Имперіи съ Московскимъ царствомъ, и зналъ ученіе о православномъ Царѣ, взрощенное предшествующей исторіей и выявленное Никономъ, онъ не писалъ бы слѣдующихъ строкъ: (ib. стр. 21). „Das Russische Zarentum dagegen besass überhaupt keine objektive geschweige denn ideale und humane Bestimmung. Während es langsam und mühsam aus sich selbst hervorging bewies es immer und überall nur seinen Selbstzweck"³. Von Tilling не понималъ идеи Русскаго Православнаго Царства, у Никона же — ея носителя — надъ русскимъ царствомъ стоитъ высшая религіозная идея, выявляемая въ опредѣленныхъ требованіяхъ къ царской власти, и самый санъ царскій выявляется, какъ особый видъ служенія, какъ высшая политическая должность, черпающая въ православіи указаніе на направленіе культурныхъ и педагогическихъ задачъ, Царская власть выполняетъ по этому пониманію свѣтскую задачу въ Православіи. Когда фонъ Тилингъ выставляетъ именно должность нѣмецкаго Императора, какъ выполненіе обязанности по достиженію культурныхъ и педагогическихъ цѣлей и говорить, что, *des Kaisers Amt (S. 31) setzte tatsächlich voraus dass er ein verantwortlicher Herr ein fürsogender Führer und Verwalter, der Ober-Herzog seines Voikes war*"⁴ то онъ можетъ узнать, что русскому Царю такое положеніе усваивалъ Никонъ еще въ XVII вѣкѣ, съ той, конечно, разницей, что передъ нимъ поднимаются не образы двигателя гуманитарной культуры, а идеи православнаго смиреннаго Царя, помнящаго о главной заботѣ своей — спасеніи ввѣреннаго ему стада черезъ приобщеніе къ благодати Святаго Духа черезъ царство и Церковь.

¹ Сильный характеромъ Патріархъ Никонъ отважился на послѣднюю борьбу съ Царемъ за самостоятельность Церкви.

² Никонъ, какъ послѣдній самостоятельный духовный Глава Русской Церкви, потому былъ побѣжденъ властнымъ господствующимъ царизмомъ, что представлялъ не столько духовныя силы вѣры и ученія, сколько силы церковныхъ обычаевъ.

³ Русскій царизмъ вообще не имѣлъ никакого объективнаго, не говоря уже идеальнаго и гуманитарнаго призванія. Медленно и съ трудомъ происходя изъ себя самого, онъ всегда и всюду выявлялъ только свою самоцѣль.

⁴ Должность Императора фактически предполагала, что онъ — отвѣтственный властитель, заботящійся руководителемъ и управителемъ — былъ верховный вождь своего народа.

Лишь съ Петромъ внесена другая идеологія, и Церковь становится орудіемъ государства.

Государственное еретичество Петра I.

Если съ такимъ извращеніемъ природы церковной власти въ Юзефинизмъ (или въ системъ государственной церковности), оказывающейся не только въ подчиненіи, но и на службъ государству, боролся Никонъ, то боролся не въ пользу средневѣковой системы, а въ пользу теоріи симфоніи, которая ставилась въ основу церковно-государственному строительству въ лучшія времена Византіи. Реформу церковно-государственныхъ отношеній Петромъ Голубинскій мѣтко назвалъ государственнымъ еретичествомъ, которое вовсе не было необходимымъ спутникомъ внутреннихъ реформъ Петра; если бы Русь держалась идей Никона, то многія реформы Петра и его достиженія произведены были бы безъ коренной ломки основъ государства Россійскаго, сопровождавшейся отказомъ Петра признавать Церковь, какъ особое учрежденіе съ своими полномочіями, своими органами законодательства, управленія, своими цѣлями, какъ то требовалось теоріей симфоніи властей, лежавшей въ основѣ Московскаго построенія церковно-государственныхъ отношеній.

О церковной власти Императора по Основнымъ Законамъ.

Кристаллизацией цезарепапизма явилась въ дальнѣйшей исторіи статья 43 Основныхъ законовъ (65 Основ. Зак. 1906 г.): „въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, ея учрежденнаго. Толкователь этой статьи Проф. Казанскій (Власть Всероссійскаго Императора стр. 241) выдѣляетъ изъ Церковнаго управленія Императора только лишь догматы и правовѣріе, а все остальное церковное правообразование относитъ въ сферу Императора и самую церковную власть Государя почитаетъ однимъ изъ проявленій его государственной власти (224 стр.). Церковное верховенство Государя онъ основываетъ исключительно на законахъ Русскаго государства (246 стр.) и органомъ верховной власти въ дѣлахъ Православной Церкви почитаетъ Синодъ „учрежденіе чисто государственное, учрежденное самодержавной властью". „Синодъ, говоритъ онъ, есть учрежденіе, заимствующее свою власть отъ Монарха и дѣйствующее его именемъ". Такова, по Казанскому, конструкція Синода, вытекающая изъ 65 ст.

Осн. Зак.¹ Въ томъ же смыслѣ приводится и цитата изъ Темниковскаго. Проф. Казанскій полемизируетъ съ Палиенко и Котляревскимъ относительно понятія церковнаго управленія, въ которомъ такъ ярко скрывалось различіе двухъ взглядовъ на наши Основные Законы 1906 года, — разсматривать ли ихъ, какъ строй конституціонный или только какъ обновленный. Именно оба послѣдніе государствовѣда, подобно другимъ представителямъ конституціоннаго пониманія нашихъ Основныхъ Законовъ 1906 года, котораго мы лично не раздѣляемъ, — противопоставляютъ церковное управленіе, въ статьѣ 65, понимаемое ими, какъ административныя полномочія, законодательству въ матеріальномъ смыслѣ, такъ что церковное законодательство въ смыслѣ правообразованія слѣдуетъ по ихъ толкованію общему порядку осуществленія его Монархомъ совмѣстно съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Напротивъ Проф. Казанскій подъ управленіемъ разумѣетъ всѣ вообще проявленія государственной власти Императора, включая туда правообразованіе, въ соотвѣтствіи съ словоупотребленіемъ ст. 10 Основ. Зак. 1907 г. (80 ст. прежнихъ изданій) („Власть управленія во всемъ ея объемѣ принадлежитъ Государю Императору) и со статьей 64 этихъ законовъ (42 ст. прежн. изданій), называющей Государя не только „Верховнымъ Защитникомъ догматовъ“, но и „Главою Церкви“ (стр. 253). Для насъ интересенъ не этотъ споръ о распредѣленіи власти церковнаго управленія между монархомъ и прочими законодательными учрежденіями по основнымъ законамъ 1906 года, а тотъ фактъ, что обѣ стороны, толкуя ст. 65 Осн. Зак., согласны другъ съ другомъ въ томъ, что эта статья признаетъ источникомъ церковнаго правообразованія органы государственной власти, отводя собственно для законодательства самой Церкви какое-то неопредѣленно малое пространство въ видѣ догматовъ и правовѣрія и внося въ сферу государственнаго закона не только *jura circa sacra*, но и *jura in sacras*. Нетрудно видѣть, что упомянутая нами каноническая Никоновская критика, направленная противъ пониманія императорской власти, какъ источника церковнаго законодательства, поражаетъ и самую статью 65 Основныхъ Законовъ, перешедшую безъ измѣненій изъ старыхъ Основныхъ Законовъ, какъ противорѣчащую природѣ Церкви, имѣющей собственное законодательство въ церковныхъ дѣлахъ, основанное на ея специфическихъ дарахъ благодати и

¹ П. Н. Семеновъ характеризуетъ Синодъ, исходя изъ законодательнаго его опредѣленія и фактическаго положенія, какъ совѣтъ при министрѣ (оберъ прокурорѣ), ничѣмъ его не связывающій (Самодержавіе стр. 44).

не знающей высших органов церковной власти, имѣющих происхожденіе въ государственномъ законѣ. Критика Никона на Лигаридовское пониманіе церковнаго закона, какъ истеченіе государственной власти, вполне соотвѣтствуетъ канонической критикѣ, имѣющей въ виду установленіе собственной сферы Церкви, неприкосновенной для какихъ бы то ни было органовъ государственной власти. Понятіе объ этой неприкосновенной для государственной власти сферѣ однако совершенно исчезаетъ, не будучи отмѣчено даже названіемъ православнаго Царя въ опредѣленіи царской власти у Петра I въ Воинскомъ Уставѣ (Арт. 20: „Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчету дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благолѣпію управлять" или въ Духовномъ Регламентѣ 25 января 1721 г. Ч. 1. п. 2: „монарховъ власть есть самодержавная, которой повиноваться Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ"). Ближе подошелъ къ опредѣленію компетенціи верховной государственной власти со стороны, обращенной къ Церкви, проф. Градовскій, указывая на эту границу во Вселенскомъ канонѣ, и тѣмъ самымъ какъ бы признавая особую природу Церкви; но нельзя не отмѣтить, что Градовскій разсуждалъ не *de lege lata*, а *de lege ferenda*, ибо этой конструкціи противорѣчило въ нашихъ Основныхъ Законахъ констатированіе учрежденіе Синода государственной властью (Начала Русскаго Государств. Права 1, 152): „Компетенція верховной власти ограничивается тѣми дѣлами, которыя вообще могутъ быть предметомъ церковной администраціи, т. е. не предполагаютъ актовъ по существу своему принадлежащихъ органамъ Вселенской Церкви: Вселенскимъ Соборамъ". Однако не только Вселенскій канонъ, но и канонъ Помѣстной Церкви подлежитъ измѣненію со стороны соотвѣтствующей власти его издающей, т. е. со стороны Церкви; — кромѣ того, Градовскій указалъ неясно объемъ этой неприкосновенной сферы, ограничивъ ее догматомъ и обрядомъ, допуская тѣмъ мысль, что какъ будто вопросы церковнаго устройства входятъ въ сферу власти государственной. Такъ онъ пишетъ: „Права самодержавной власти касаются предметовъ церковнаго управленія, а не самаго содержанія положительнаго вѣроисповѣданія, догматической и обрядовой его стороны. Это положеніе имѣютъ одинаковую силу какъ для Православной Церкви, такъ и для другихъ вѣроисповѣданій" (ib. 151). Но въ такой формулировкѣ цѣлая область чисто церковныхъ дѣлъ, указанныхъ

Шульте, которую мы приводили въ своемъ мѣстѣ, попадаетъ подъ вѣдѣніе государства, ибо она не составляетъ ни догматической, ни обрядовой стороны. Въ нашемъ пониманіи царской власти, какъ священнаго чина, связанность Царя канонами вытекаетъ сама собой не только, какъ нравственная связанность но и каноническая, то есть правовая. Разумѣется, этотъ чинъ не есть чинъ понтифекса максимумса, а въ іерархическомъ отношеніи является подобнымъ чину дьяконскому, на подобіе особаго чина депутата въ Византійской Церкви, приравненнаго къ дьяконскому чину. Но по пространству своихъ полномочій, совпадающихъ съ размѣрами національной Помѣстной Церкви, Царь стоитъ на ряду съ Патріархомъ. Іерархическое положеніе Царя въ Церкви является центральнымъ фокусомъ единенія государства съ Церковью и показателемъ церковныхъ идеаловъ самого государства. Есть какая-то внутренняя логика въ томъ, что Петръ, борясь съ церковнымъ направленіемъ жизни, на всешутѣйшемъ соборѣ занялъ шутовское положеніе именно дьякона. Это достоинство Царя въ Церкви нисколько не умаляетъ величія положенія Царя въ государствѣ, гдѣ онъ является обладателемъ всей полноты государственной власти. Притязаніе же на предоставленіе высшаго іерархическаго положенія Царю въ Церкви ради того, что Царь занимаетъ высшее положеніе въ государствѣ, было бы наивнымъ уподобленіемъ негусу Абисинскому Іоанну въ одномъ забавномъ инцидентѣ. Русскій дворъ прислалъ ему въ подарокъ пышныя церковныя облаченія для его придворной церкви. Они ему такъ понравились, что онъ, по недоразумѣнію, счелъ ихъ за подарокъ лично для себя, надѣлъ ихъ и въ этомъ нарядѣ явился присутствовать на богослуженіи. Мы не можемъ не согласиться съ проф. Заозерскимъ¹, что права Императора въ отношеніи Церкви всегда остаются правами государственными и не дѣлаются правами, исходящими отъ Церкви, отъ того только, что постановленія Царя затрагиваютъ церковныя дѣла. И дѣйствительно, признавая за Царемъ права покровительства и защиты Церкви и блюстительство ея догматовъ и правовѣрія, какъ то установила ст. 41 Основныхъ Законовъ мы найдемъ ближе всего аналогію этому праву въ правѣ патроната, ктиторства, такъ что опредѣлять положеніе Царя въ Церкви лучше всего какъ право ктиторства, заключающее въ себѣ вышеозначенныя обязанности. Церковь даетъ Царю въ обмѣнъ за его защиту особаго права, причащенія

¹ „Нѣмецкій духъ въ русской наукѣ Церковнаго Права“. Прав. Об. 1889 № 7-8 стр. 656.

подъ обоими видами раздѣльно по чину священническому, слѣдовательно оно включаетъ Царя въ свою іерархію, но безъ какихъ-либо особыхъ правъ церковной власти, т. е. власти, исходящей отъ самой Церкви черезъ хиротонію. Памятуя, что права Царя относительно Церкви остаются всегда правами государственными, а съ другой стороны, что Царю дано такое преимущественное право въ богослуженіи, какъ раздѣльное причащеніе Тѣла и Крови Христа, которое дается только лицамъ священнаго чина, на что указываютъ и самое коронованіе его, подобное хиротесіи при введеніи въ церковную должность, и духовныя одежды Царя съ наперснымъ крестомъ на груди и обычаи при дворѣ — мы включаемъ его санъ въ число іерархическихъ чиновъ, на ряду съ должностью дьякона, также не дающей никакихъ правъ церковной власти, но дающей извѣстныя права по оказанію содѣйствія священнодѣйствию и пріобщенію раздѣльно подъ обоими видами. Права Царя по содѣйствию Церкви, конечно, неизмѣримо высоки, и потому мы готовы признать въ царскомъ санѣ особый священный чинъ *sui generis*, ставящій Царя въ неразрывное единеніе съ Православной Церковью по направленію своей дѣятельности. Своеобразіе священнаго чина Царя сказывается и въ томъ, что онъ получаетъ вторичное мвропомазаніе, получая въ немъ сугубые Дары Святаго Духа для управленія государствомъ; но природа даровъ этихъ отъ этого не мѣняется и не распространяется на управленіе Церковью, каковыя дары получаютъ только благодатью, даруемой сану епископа. Это положеніе возноситъ царское верховное государственное служеніе на высоту служенія церковнаго, связывая послѣднее интегрально съ царской властью и пріобщая государство къ внутреннему и интимному проникновенію религіознымъ началомъ и придавая идеаламъ земного существованія идею безконечности. Это пріобщеніе царской власти, какъ основы государственной жизни, къ идеаламъ Православной Церкви полностью ощущалъ Никонъ, когда въ отрываніи царской власти отъ законовъ церковныхъ онъ усматривалъ начало разрушенія царства, признаки пришествія Антихристова, предощущалъ въ этомъ какъ бы общій провалъ культуры въ пустоту черезъ ея секуляризацію, обмірщеніе и измельчаніе¹. Примѣчательно, что сознаніе причастности царскаго служенія служенію церковному, свободно и постепенно выработанное русскимъ самосознаніемъ, достигло высшей точки въ допущеніи Царя къ

¹ Примѣняемъ выраженіе В. В. Зѣньковскаго на стр. 114, интереснѣйшей и богатой по содержанію его книги: „Русскіе мыслители и Европа“.

причащенію по чину священному, какъ разъ въ то время, когда идеи Никона вообще нашли частичное, хотя и недолгое примѣненіе къ жизни (царствованіе Θεодора Алексѣевича), наканунѣ ихъ крушенія и затемнѣнія идеи православнаго Царя, какъ приобщенія государства къ высшему смыслу жизни, языческой тѣнью великаго понтифекса-властелина надъ всѣмъ Божескимъ и человѣческимъ, тѣнью, лишившей Церковь свободнаго дерзновенія и размаха, а власть Царя той основы, которая даетъ ей незыблемость, вѣчный смыслъ и цѣнность.

Отбросивъ Церковь, какъ самостоятельное учрежденіе, стоящее рядомъ съ государствомъ, Петръ поставилъ на ея мѣсто самодовлѣющее государство съ абсолютнымъ сувереномъ Гоббса. У него государство абсолютно и всемогуще. Суверень государства одновременно глава Церкви, какъ то скажетъ впоследствии и статья Основныхъ Законовъ (64 по изданію 1906 г.). Такъ на одной головѣ соединяются всѣ власти матеріальныя и нравственныя, въ которыхъ нуждается общество. Janet пишетъ объ этой системѣ (II, 174). *Ainsi s'accomplit l'unité absolue du pouvoir et la consecration de toutes les forces par la plus grande de toutes les forces, la force religieuse: Mais par là aussi, disons le, se prépare sa ruine; car cet excès d'autorité est au-dessus de la nature humaine; elle n'en est pas capable, non plus que de l'excès de soumission à laquelle on condamne la société. En mettant entre les mains du pouvoir l'arme de l'oppression religieuse, on met entre les mains de la ruine l'arme non moins puissante de la foi opprimée. Rien n'est plus dangereux pour l'extrême force que l'extrême faiblesse; car celle-ci n'a plus rien à perdre et tout à gagner*¹. Въ этой системѣ государственнаго абсолютизма справедливость диктуется не высшими цѣлями жизни, а соображеніями по разумѣнію правителя: „Le juste c'est ce qui est utile au plus fort”.

Объ идеалѣ утилитаризма.

Но столь ли высокъ принципъ пользы, чтобъ его почитать высшимъ принципомъ и для него бросать вѣчныя цѣнности, даваемая Церковью? Вотъ что говорилъ протоіерей Мальцевъ въ своей академической рѣчи 4. XI. 1879 года: „Углубляясь въ свой внутренній міръ, душа человѣка находитъ въ немъ такія стремленія и требованія,

¹ Такъ совершилось абсолютное единеніе власти и освященіе всѣхъ силъ самой большой изъ всѣхъ, силой религіозной. Но и тѣмъ самымъ, Скажемъ мы, готовится ея паденіе, ибо этотъ избытокъ власти превышаетъ силы человѣческой природы; она на это неспособна, также какъ и на избытокъ подчиненія, на которое осуждаютъ общество. Давая въ руки власти оружіе религіознаго угнетенія, даютъ въ руки революціи оружіе не менѣе могущественное, чѣмъ подавленная вѣра. Ничего нѣтъ опаснѣе для крайней силы, какъ крайняя слабость, ибо послѣдняя не имѣетъ ничего терять и все выигрывать.

которыя остаются мало или вовсе неудовлетворенными утилитарными идеалами. Человѣческой природѣ всегда было свойственно болѣе или менѣе сильное стремленіе къ болѣе достойнымъ и высокимъ сторонамъ жизни, чѣмъ стремленіе къ счастью или пользѣ, всегда былъ присущъ запросъ на долженствующій быть порядокъ вещей, болѣе идеальный, чѣмъ тотъ, который дается непосредственной жизнью и ея влеченіями. Идеализмъ не только не похороненъ современной наукой, но всегда жилъ, живетъ и будетъ жить въ душѣ человѣка, какъ бы онъ ни уклонялся далеко отъ этого идеала. Неполнота и односторонность утилитаризма лучше всего доказываются тѣмъ искреннимъ признаніемъ, которое высказалъ одинъ изъ видныхъ представителей современнаго утилитаризма. Положимъ, писалъ онъ, что всѣ твои стремленія осуществлены, что всѣ реформы въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, тобой задуманныя, исполнены, но доставить ли тебѣ этотъ успѣхъ полную радость и счастье? Нѣтъ, отвѣчалъ его внутренній голосъ, и въ этомъ искреннемъ „нѣтъ" сказалась вся пустота и безцѣльность той жизни, въ которой высшія безкорыстныя альтруистическія удовольствія невозможны, а эгоистическія противны". Единственная возможность достигнуть счастья, по словамъ автора, въ томъ, чтобы считать не счастье, а что либо другое высшей цѣлью жизни. И въ самомъ дѣлѣ, при достиженіи или осуществленіи идеала наибольшаго счастья или пользы не возникаетъ ли неизбѣжный вопросъ, какая же польза самой пользы?" (Хр. Чт. 1880 г.).

То омірщеніе государственной идеи, которое произошло въ Россіи при Петрѣ I, было по существу возвращеніемъ къ Римской идеѣ языческаго цезарепапизма, воскрешеніемъ Государя-понтифекса максимуса — главы Церкви и государства. Одновременно это было дѣяніемъ противоцерковнымъ, противорѣчащимъ постановленію большаго Московскаго Собора о власти царской и патріаршей. Уничтоженіе патріаршества и учрежденіе Синода властью государственной выявляло признаніе государственнаго всемогущества, не останавливающегося передъ вторженіемъ въ сферу церковную, несмотря на признаніе ея особой природы на соборѣ въ январѣ 1667 года.

Проф. Казанскій опредѣляя положеніе Синода по Основнымъ Законамъ (стр. 106. „Власть Россійскаго Императора") помѣщаетъ его въ числѣ другихъ высшихъ (наряду съ Сенатомъ и министерствами) государственныхъ учрежденій подчиненнаго (не верховнаго)

управленія, которыя имѣють свою степень самостоятельной власти и въ предоставляемомъ кругѣ дѣйствуютъ, не обращаясь за разрѣшеніемъ къ Верховной власти.

Онъ, квалифицируя верховенство Государя по предметамъ власти, говоритъ о верховенствѣ церковномъ (стр. 141) наряду съ военнымъ и судебнымъ, какъ будто и судъ, и военное дѣло и церковное — всѣ одной государственной природы. Однако эта конструкція только вѣрно опредѣляетъ положеніе Синода по Основнымъ Законамъ. Отмѣчая необходимость каноническаго построения церковно-государственныхъ отношеній и указывая, что Императорскій періодъ, этотъ русскій *ancien régime* явился идейнымъ вырожденіемъ древняго русскаго построения церковно-государственныхъ отношеній въ русскомъ православномъ царствѣ, бардомъ которыхъ былъ Никонъ, мы можемъ напомнить одну параллель, что знаменитый политическій писатель Joseph de Maistre въ эпоху разрухи звалъ Францію не къ возстановленію *ancien régime* а именно къ возстановленію въ ней *l'antique constitution* которая въ XVII и XVIII вѣкахъ выродилась въ злоупотребленія и получила другое, только что упомянутое нами названіе.

Соотношеніе между ученіемъ Никона о православномъ царѣ и понятіемъ русскаго самодержавія въ русскомъ сознаніи XX вѣка; протестъ его противъ абсолютизаціи власти царя.

Означенное разложеніе идеи самодержавія мы усматриваемъ, прежде всего въ абсолютизаціи царской власти при Петрѣ, а затѣмъ въ XIX вѣкѣ въ расхищеніи самодержавной власти органами высшаго, но подчиненнаго управленія т. е., министрами послѣ ихъ учрежденій въ 1802 году, въ расхищеніи, связанномъ съ фактическимъ устраненіемъ Сената отъ функцій надзора за закономѣрностью министерскаго управленія, а также съ вовлеченіемъ Верховной власти въ сферу подчиненнаго управленія¹. Послѣдняя тема касается проведенія различія между управленіемъ верховнымъ и подчиненнымъ и насъ не касается, но различіе власти самодержавной отъ аб-

¹ Нельзя не отмѣтить и того искаженія идеи православнаго всенароднаго Царя, которое произошло при Екатеринѣ II, когда высшее сословіе въ государствѣ, будучи освобождено отъ обязательной службы государству, сохранило, однако, свои сословныя привилегіи, потерявшія съ тѣхъ поръ свое оправданіе, а низшее сословіе крестьянство оставалось еще 100 лѣтъ въ крѣпостной отъ него зависимости, еще болѣе усиленной. Отгороженная отъ большей части своихъ подданныхъ привилегированнымъ сословіемъ царская власть получила особый отпечатокъ отъ этой своей новой опоры, въ результатѣ гвардейскихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII вѣка, и въ понятіи общенароднаго Царя отслоилось другое понятіе, Царя по преимуществу дворянскаго. Отчужденіе опоры Престола — дворянства отъ народной культуры съ Петра I содѣйствовало подрыву царской власти, на него опиравшейся. Новое ея возстановленіе мыслимо только на основѣ церковной и общенародной.

солютной должно быть особо отмѣчено, какъ два понятія совершенно различныхъ. Нельзя не уяснить, что именно мы разумѣемъ подъ Самодержавіемъ. Прежде всего нельзя его смѣшивать съ понятіями верховенства и неограниченности. Какъ это хорошо выяснилъ проф. Казанскій, подъ верховенствомъ надо разумѣть юридическій суверенитетъ, а подъ самодержавіемъ фактической. Самодержавной властью называется верховная власть, покоющаяся на собственной силѣ, а самодержавіемъ верховная власть, располагающая наибольшимъ могуществомъ. Символически это властвованіе въ силу собственной силы отмѣчается во время коронованія тѣмъ, что Государь самъ беретъ скипетръ и державу и самъ надѣваетъ на себя корону. 4-я статья Основныхъ Законовъ утверждаетъ, что Государю принадлежитъ верховная самодержавная власть, и констатируетъ тотъ фактъ, что эта власть уже принадлежитъ императору (а не то, что она предоставлена ему Основными Законами, имѣющими свой источникъ во власти Императора). Самодержавная власть имѣетъ свои собственные, ей присущія, а не извнѣ данныя права, въ ней воплощаются самобытность и державныя права націи, выработанныя потомъ и кровью многовѣкового историческаго развитія, какъ говоритъ Романовичъ-Славатинскій, это — власть отъ всякой другой власти независимая, какъ училъ графъ Сперанскій. Власть русскаго царя самодержавная т. е. самородная, не дарованная другой властью. Она въ основѣ своей имѣетъ не юридическій фактъ, а все историческое прошлое русскаго народа. Самодержавіе въ такомъ пониманіи отличается отъ свойствъ власти: ея верховенства и неограниченности. Подъ верховенствомъ разумѣется то, что эта власть нейтральная, умѣряющая, учредительная, власть послѣдняго рѣшенія въ сферѣ государства съ проявленіемъ этихъ свойствъ во всѣхъ сферахъ, и въ законодательной, и въ административной, и въ судебной. Власть можетъ быть самодержавной и въ извѣстномъ смыслѣ ограниченной, хотябы положеніями, вытекающими изъ собственнаго понятія самодержавнаго православнаго Царя, возвращеннаго исторіей народа. Самодержавіе состоитъ въ томъ, чтобы творить не волю свою, говоритъ Л. Х. въ своей брошюрѣ „Самодержавіе“, а, выражая собой народъ съ его духовными потребностями и съ его особенностями, вести его по путямъ, имъ — народамъ излюбленнымъ, а не предначертать ему пути измышленные“. „Самодержавіе, говоритъ И. С. Аксаковъ, учрежденіе вполнѣ народное; отрѣшенное отъ народности, оно перестаетъ быть русскимъ самодержавіемъ и становится абсолютизмомъ“.

Когда онъ говоритъ, что царю сила власти, а народу сила мнѣнія, то въ этой фразѣ надо вычитать сознание необходимости власти питаться отъ народныхъ источниковъ. Карамзинъ отвергалъ самовластный абсолютизмъ, когда говорилъ, „что Государя нельзя выдѣлять изъ духовнаго единства народа, и потому Государь не въ правѣ отдать русскія губерніи Польшѣ". Самодержавная власть ограничена тѣмъ, что сама пребываетъ въ сферѣ народныхъ понятій; она ограничена принадлежностью къ народу и единеніемъ съ нимъ. „Самодержавіе, говоритъ Д. Х., всегда считало себя ограниченнымъ, а безграничнымъ только условно въ предѣлахъ той ограниченности, которая истекаетъ изъ ясно сознанныхъ началъ народности и вѣры. Оно жило въ народѣ и въ Церкви. Абсолютизмъ сталъ выше ихъ обоихъ (Казанскій „Власть Всероссійскаго Императора" 840 стр.). Даже проф. Казанскій, считающій власть Царя, какъ источникъ правъ, выше права, почитаетъ его лишь юридически неограниченнымъ, но не считаетъ его неограниченнымъ въ религіозномъ, нравственномъ и національномъ отношеніи.

Въ такой концепціи необходимо признать, что царь самъ себя ограничиваетъ, какъ это и сдѣлалъ проф. Казанскій. Соглашаясь, что царь самъ себя юридически ограничиваетъ въ проявленіяхъ власти государственной, нельзя не оговорить, что въ отношеніи къ Церкви онъ ограниченъ каноническими нормами. Надъ Царемъ нѣтъ учрежденія, передъ которымъ онъ былъ бы юридически отвѣтственъ за свою дѣятельность, надъ нимъ нѣтъ учрежденія, ему повелѣвавшего, но онъ связанъ объективными нормами каноническими, хотя бы эта связанность и носила характеръ всѣхъ *lex imperfecta*, какъ это обстоитъ въ отношеніи вообще всѣхъ непосредственныхъ органовъ государства. Понятіе неограниченности царя, о которомъ говоритъ проф. Казанскій (Ib. 889), можетъ относиться только къ сферѣ государственной: „монаршая власть, говоритъ онъ, какъ власть верховная, не знаетъ ни надъ собой никакой высшей власти, ни рядомъ съ собой никакой равной власти, а потому не знаетъ и никакихъ нормъ, которыя были бы внѣшне обязательны для нея, какъ велѣнія власти высшей, или какъ соглашеніе съ властью равной. Всѣ эти элементы неограниченности власти тѣсно связаны между собой и образуютъ одно понятіе неограниченности власти". Это не можетъ относиться къ нормамъ, имѣющимъ свой источникъ не въ государствѣ, а въ Церкви, которыя однако, хотя и обязательны какъ нормы каноническія, но матеріально не вынуждаемы, имѣя своей

санкціей лишь сознание божественности ихъ происхожденія. Впрочемъ эта имперфектность — обычное свойство многихъ нормъ: отсутствіе матеріальной вынуждаемости не лишаетъ ихъ значенія нормъ правовыхъ, какъ это имѣеть мѣсто въ отношеніи вообще нормъ каноническаго права, издаваемыхъ Церковью. Никонъ и поступилъ, какъ величайшій русскій патріотъ, когда свою судьбу принесъ въ жертву спасенію не только понятія Церкви, но и понятія православнаго Царя. Онъ не ставилъ внѣшнихъ ограниченій царю отъ другихъ учрежденій и говорилъ, что человѣческаго суда надъ Царемъ нѣтъ, но есть судья — Богъ, который можетъ разрушить все его царство. Однимъ словомъ Никонъ призывалъ Царя во имя страха Божія къ самоограниченію своей власти, предѣлы которой въ отношеніи къ Церкви указаны природой самой Церкви и ея Божественныхъ полномочій. Самая должность Патріарха съ его правомъ печалованія разсматривается имъ въ строѣ государственныхъ учрежденій, какъ юридическое выраженіе той истины, что высшая правда, — путеводный указатель для Царей и стражь вѣры. Церковь со всѣмъ ея строемъ есть нѣчто, подлежащее обязательному признанію со стороны православнаго Царя, не желающаго навлечь на себя гнѣвъ Божій (не людской гнѣвъ). Интересно сравнить это оригинальное построеніе русскаго церковнаго мыслителя съ западными мыслителями, ищущими въ теоріи косвенной власти (Григорій VII) или въ теоріи нравственнаго закона (Томас Аквинскій признаетъ право высшаго судить низшаго за незаконныя дѣйствія въ силу порядка мірозданія подчиняющаго низшаго высшему) средство для оправданія правомѣрнымъ властнаго вмѣшательства Папы въ судьбы государствъ и престоловъ. Указаніе на грѣхъ въ дѣяніи Царя и собственный уходъ съ Патріаршаго престола съ цѣлью зафиксировать нарушеніе правъ Церкви и воздѣйствовать на поведеніе Царя есть проявленіе архипастырской ревности — равно и анаѣемы преступникамъ клятвы. Если мы посмотримъ на значеніе этой дѣятельности Никона, то въ немъ можемъ увидѣть **историческій протестъ противъ начала абсолютизаціи государственной власти, а не восхищеніе на себя царской власти**; Царь, какъ представитель народной вѣры, его чувства, мысли, упованій, не можетъ въ своихъ дѣяніяхъ не признавать строя Церкви, вытекающаго изъ ея канонѡвъ. То ограниченіе въ признаніи Царемъ только вѣры, (а не канонѡвъ), которое введено Петромъ, и его самовольное законодательство въ нѣдрахъ Церкви и есть абсолютизація царской власти, ибо здѣсь забыты границы госу-

дарства; Церковь есть не только вѣра, но и церковный законъ и жизнь по вѣрѣ, какъ напоминаль объ этомъ Никонъ въ своемъ „Раззореніи". Совершенно правильно Пальмеръ говоритъ: (Die Russische Verfassung): „Der Absolutismus wird erst durch Peter den Grossen in Russland begründet und erst seit dessen Zeit fallen die Ausdrücke selbstherrschend (самодержавіе) und unbeschränkt zusammen"¹.

Необходимой предпосылкой для измѣненія царской власти, является измѣненіе въ самой религіозной жизни народа. Не безынтересны замѣтки нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей о значеніи самодержавія для Россіи, и слѣдовательно, добавимъ мы, о важности охраненія его отъ превращенія въ абсолютизмъ. **П. Н. Семеновъ** замѣчалъ: „отрѣшиться отъ самодержавія равносильно отреченію отъ своей исторіи, вѣковыхъ трудовъ и усилій по собиранію земли русской и сплоченію ея въ одно цѣлое могучее государство". **М. Н. Катковъ** писалъ: „съ самодержавной властью Русскаго Царя неразрывно соединено самое существованіе Россіи". **Проф. В. Л. Катковъ**: „самодержавіе — святыня русской народной жизни, оплотъ противъ разрушающаго вліянія социализма и демократіи, оно создало то, чѣмъ мы живемъ, чѣмъ мы связаны, что придаетъ смыслъ нашему существованію. Самодержавіе создало Россію, и выросшее въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ западнаго государства, Россія будетъ жить подъ эгидой самодержавія, или погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ". А членъ III Думы **Образцовъ** сказалъ: „Россія безъ самодержавія будетъ великимъ трупомъ, который расклюютъ хищные коршуны. Поражая самодержавіе, намъ готовятъ иноземное иго". **Побѣдоносцевъ** отмѣчалъ, что государственная власть утверждается на единствѣ духовнаго самосознанія между народомъ и властію — на вѣрѣ народной. При раздвоеніи этого сознанія власть подтачивается въ своемъ основаніи. Съ этой точки зрѣнія внесеніе иныхъ началъ (абсолютизмъ) въ царскую власть мы и рассматриваемъ, какъ ея подрывъ въ XVII вѣкѣ, и видимъ въ немъ тотъ l'ancien régime, который началъ подтачивать l'antique constitution — древнюю основу русскаго государственнаго строя. Самодержавіе священно по своему внутреннему значенію, будучи великимъ служеніемъ передъ Господомъ; государь — великій подвижникъ, несущій бремя власти, заботъ о своемъ народѣ во исполненіе заповѣди: „другъ друга тяготы носите". Его самодержавіе не есть цѣль само по себѣ, а орудіе высшихъ идеаловъ.

¹ Абсолютизмъ обосновывается въ Россіи впервые Петромъ Великимъ, и только съ этого времени совпадаютъ выраженія „самодержавіе" и „неограниченность".

Русское самодержавіе — для Русскаго государства, а не наоборот. Церковь освящает это единеніе Царя съ народомъ, какъ вѣрность подданства, черезъ которую безусловная подчиненность подданныхъ приобщаетъ ихъ къ соучастію въ этомъ служеніи. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія служеніе Никона было не только служеніемъ Церкви, но и выполненіемъ долга вѣрноподданнаго въ чинѣ перво-священника, а идеи его были направлены къ признанію въ жизни господства права и правды, къ отстаиванію уже существовавшаго ограниченія царской власти, вытекающаго изъ ея понятія, а не къ созданію новаго. Не его вина — если его дѣло не было понято современниками — людьми властолюбивыми и порочными, которымъ не по плечу были его святыя стремленія.